

М.Б.Щукин (С.-Петербург)

РОЖДЕНИЕ СЛАВЯН

*Памяти Иоахима Вернера, Рьшарда Волонгевича, Казимежа Годловского и
К.В.Каспаровой*

Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска

Еще первый русский летописец в начале XIII в. задавался вопросом: “*Откуда пошла есть Русская земля?*” (ПВЛ, I: 9-17). С тех пор на этот счет было высказано множество самых разнообразных точек зрения. Изложение и разбор их занял бы слишком много места, и я могу лишь отослать читателя к обзору позиций разных авторов от средневековых хронистов до Л.Нидерле и М.Фасмера, сделанному В.В.Седовым (Седов 1994: 7-48). Здесь мы сформулируем лишь основные тенденции, намечающиеся в работах только археологов и только за последние десятилетия.

Четверть века тому назад археологи знали достоверно славянские памятники лишь VIII-IX вв. — древности типа Луки-Райковецкой к западу от Днепра и роменско-борщевскую культуру на его левобережье (Гончаров 1950; Гончаров 1963; Ляпушкин 1958; Ляпушкин 1968). Оба археологических единства непосредственно предшествовали культуре Киевской Руси и перерастали в нее. Далее следовало определить ретроспективным методом “от известного к неизвестному”: что предшествовало появлению достоверно славянских культур?

А предшествующей была лишь черняховская культура III-IV вв., и просто-напросто не оставалось другого выхода, как видеть в ее носителях тоже славян (Рыбаков 1948; Брайчевський 1957; Брайчевський 1964; Махно 1949; Смішко 1953; Голубева 1957). Скептики, представленные в основном ленинградской школой, могли сомневаться, указывая на хронологический разрыв между черняховской культурой и достоверно славянскими памятниками, на совпадение времени существования черняховской культуры с пребыванием в Причерноморье готов (Артамонов 1956; Тиханова 1957; Корзухина 1955), но не могли для славянской проблемы предложить альтернативного решения, предпочитая оставить вопрос открытым.

Сторонники же первой точки зрения выстраивали следующую ретроспективную секвенцию культур: черняховской предшествовала зарубинецкая рубежа эр; далее следовала скифская “зольничная” культура V-III вв. до н.э., затем — предскифские чернолесская и белогрудовская, наконец — тшинецко-комаровская эпохи бронзы. Это был южный, или украинский путь ретроспективного поиска. В то же время польские слависты-археологи пытались решить проблему на другом пути, не проявляя особого стремления согласовать это с мнением украинских коллег. Строилась следующая секвенция: славянам VIII — IX вв. на территории Польши предшествовали пшеворская и оксывская культуры II в. до н.э. — IV в. н.э., объединяемые тогда зачастую под термином культуры венедской, затем следовала поморская культура IV-III вв. до н.э. и, наконец, лужицкая, уходящая корнями в эпоху бронзы (Kostrzewski 1923; Kostrzewski 1961; Jazdzewski 1949).

И на украинском южном пути, и на западном, польском, встречалось, однако, одно и то же труднопреодолимое препятствие: цепочки культурной преемственности рвались, связи между звеньями оказывались слишком слабыми, и держались они на подсознательно, априори, принятом признании автохтонности всех культур. В ряде случаев зияли большие хронологические разрывы. Особенно разительна была разница последних пар звеньев: черняховская культура и славяне на южном пути, Пшевор и славяне — на западном.

Хронологический разрыв составлял около 400 лет. Хиатус между черняховской культурой и историческими славянами пытались ликвидировать при помощи так называемых “древностей антов” VI-VII вв. Они были представлены серией кладов, но не был тогда еще известен пласт поселений и могильников, соответствующий этим древностям. Была предпринята попытка зачислить “древности антов” в черняховскую культуру, повысить ее верхнюю дату до VII в. и, таким образом, сомкнуть ее со славянскими культурами (Брайчевский 1952; Брайчевский 1957а). Попытка эта, однако, не принесла успеха (Березовец 1963; Шукин 1967; Шукин 1968). Но вот были обнаружены памятники, казалось бы, закрывающие черняховско-славянский хиатус: поселения и могильники, на которых встречались и вещи из “антских кладов”, и своеобразная так называемая керамика “пражского типа”. Последняя была известна и ранее, но плохо поддавалась датировке (Гамченко 1896; Borkovsky 1940; Кухаренко 1955; Березовец 1958; Кухаренко 1960; Хавлюк 1960; Хавлюк 1961; Хавлюк 1963). Оказалось, что искать такие памятники нужно в необычных топографических условиях: в местах низких, зачастую ныне затопляемых во время половодий. Число памятников начало стремительно расти, и вскоре археологи стали различать на обширных пространствах Восточной и Центральной Европы целых три, очень похожих друг на друга, раннеславянских культуры VI-VII вв. — пражско-корчакскую, пеньковскую и колочинскую (Русанова 1973; Березовец 1963а; Петров 1963; Рафалович 1972; Приходнюк 1980; Сымонович 1963; Падин 1969; Горюнов 1981; Баран 1988; Zeman 1976; Brachmann 1978; Parczewski 1988; и др.).

Облик памятников этих культур хорошо соответствует тем описаниям быта ранних славян, которые мы находим у византийских авторов-современников (Proc. V.G. III. 14, 22-30), а ареалы трех культур, во всяком случае пражско-корчакской и пеньковской, вполне соответствуют и зонам расселения трех крупнейших группировок славянских племен, описанных Иорданом, тоже современником событий (Iord. Get. 34, 119) — склавином, антам и венетам. Сходные древности обнаружены и в Нижнем Подунавье — группы памятников типа Ипотешть-Кындешть-Чурел и Костиша-Ботошана в Румынии, славянские поселения Болгарии (Въжарова 1965; Въжарова 1976; Nestor 1957; Mitei 1962; Teodor 1978; Comsa 1974; Comsa 1974а; и др.) — где славяне активно действовали в VI-VII вв. (Шувалов 1989; Мачинский 1981). Ясно ощущается и преемственность с последующими славянскими культурами кануна Киевской Руси. Короче, особых сомнений славянская принадлежность этих памятников не вызывает. Ныне это тот отправной пункт, от которого можно начинать дальнейшие ретроспективные поиски, та “славянская печка”, от которой можно “плясать дальше”.

Славянская археология в 60-х годах сделала чрезвычайно важный шаг, уверенно спустившись по лесенке ретроспекции на одну двухсотлетнюю ступеньку. Но трудности не исчезли. Наоборот — возникли новые. Хронологический разрыв сократился, но разница облика этих славянских культур и их предшественниц на обоих путях стала еще резче.

С одной стороны, мы видим эффектные и яркие черняховскую и пшеворскую культуры с богатейшим ассортиментом разнообразнейших форм посуды: серой гончарной в черняховской, чернолощеной лепной в пшеворской (миски, кувшины, вазы, причем миски составляют значительный процент). С другой — славянские культуры с их исключительно лепной грубой керамикой, представленной лишь высокими слабопрофилированными горшками да иногда сковородками. Мисок, ваз и кувшинов практически нет вовсе.

Большие черняховские могильники почти всегда биритуальные, есть и трупоположения, и трупосожжения, во многих из них обилие разнообразных вещей: фибулы, пряжки, подвески, ожерелья, нередко стеклянные кубки. В трупосожжениях пшеворской культуры, кроме тех же фибул и пряжек, — масса оружия, ритуально согнутые мечи, копья, шпоры, умбоны щитов. Есть такие же находки и на поселениях, тоже, как правило,

больших, долговременных. Черняховцы к тому же строили, наряду с обычными общеевропейскими небольшими полуземлянками, длинные наземные дома.

Всего этого нет в славянских культурах: ни длинных домов, ни трупоположений, ни оружия и других вещей в погребениях; находки фибул, как и прочих металлических изделий, — большая редкость. Поселения и могильники, за редкими исключениями, невелики, кратковременны. Различна сама структура этих культур, “мисочных” и “фибульных” в первом случае, “горшечных” и “бесфибульных” — во втором (рис. 1).

Славянские культуры VIII-IX вв. имели с черняховской и пшеворской культурами даже больше общего, чем непосредственно следующие во времени за последними раннеславянские памятники VI-VII вв. В IX в. уже начинает вновь появляться гончарная керамика, больше металлических вещей. Это объясняется, вероятно, стадийным сходством — и те, и другие находились на предгосударственной стадии социального развития. Развитие черняховского и пшеворского сообществ было прервано, однако, в конце IV века нашествием гуннов и последовавшими процессами эпохи всеобщего переселения народов, охватившими всю Европу и видоизменившими ее карту. Этими обстоятельствами, а также общим процессом деградации материальной культуры всех европейских народов после крушения Римской империи пытаются иногда объяснить и наблюдаемое различие раннеславянских культур и их предшественниц римского времени. Этот аргумент, однако, положения не спасает. Во-первых, слишком велики различия. Если бы большая часть черняховского и пшеворского населения продолжала жить на своих прежних местах вплоть до VI в., трудно себе представить, чтобы даже в условиях жесточайшего кризиса оно полностью утратило все навыки и традиции. Во-вторых, в Западной Европе, тоже пережившей те же процессы, такого не произошло. На синхронных памятниках меровингского времени мы найдем и лощеные миски, и кувшины, и оружие, и фибулы. Формы видоизменились, но смены структуры не произошло (Schmidt 1961, 1976; Perin, Feffer 1987; Feffer, Perin 1987). И только там в Центральной Европе, где появляются славяне, наблюдается резкое различие культур позднеимперского времени и раннего средневековья, как правило, с определенным hiatusом между ними. Это явление было блестяще изучено Казимежем Годловским, введшим тогда же чрезвычайно важное понятие “структуры археологических культур” (Godlowski 1979). Становилось ясно, что поиск прямых предков раннеисторических славян в носителях черняховской и пшеворской культур не может принести положительных результатов. Следовало искать другой выход.

Поиски компромиссных решений

Оказавшись снова перед тупиком, археологи в конце 60-х и в 70-х годах начинают искать новые возможности решения проблемы. П.Н.Третьяков продолжает идти по южному пути, но с обходным маневром, минуя черняховскую культуру (Третьяков 1966: 220-230; Третьяков 1974; Третьяков 1982). Ему удалось обнаружить в Подесенье памятники, располагавшиеся в тех же топографических условиях, что и раннеславянские, со сходной структурой культуры, но более ранние — II-V веков. Поскольку на них изредка встречались черепки чернолощенных лепных мисок и горшки с насечками или пальцевыми вдавлениями по венчику, напоминающие посуду зарубинецкой культуры, П.Н.Третьяков считал открытые древности позднезарубинецкими. Подобные памятники были обнаружены и на Киевщине, и на Днепровском Левобережье. Их объединили сначала в “памятники киевского типа” (Даниленко 1976), затем — в киевскую культуру (Горюнов 1981; Терпиловский 1984).

П.Н.Третьяков предполагал: когда во II веке н.э. возникла черняховская общность, носители зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья были вынуждены отступить на север и северо-восток, а после гуннского нашествия и крушения Черняхова вернулись уже в виде раннеисторических славян. Идея оказалась в общем плодотворной, хотя и выявился затем ряд неточностей. Черняховская культура возникла не во II в. н.э., а не ранее 20-60-х

годов III века (Щукин 1976; Szczukin 1981; Гороховский 1989; Шаров 1992), и не черняховцы, а сарматы в середине I в. н.э. заставили носителей зарубинецкой культуры сдвинуться на север (Щукин 1972; Щукин 1994: 232-239).

Но более всего в построении П.Н.Третьякова смущает одно — априори принятое славянство зарубинецкой культуры. Автор идеи ссылается лишь на мнение большинства исследователей и на расположение зарубинецкой культуры в зоне раннеславянских топонимов. Против последнего справедливо возражал В.В.Седов: и зона эта значительно шире, и датировка топонимов неизвестна (Седов 1970: 41).

Изучение генезиса зарубинецкой культуры в последние годы тоже дает результаты, противоречащие этой посылке. Во-первых, выясняется, что образованию зарубинецкой и родственной поянешть-лукашевской культур предшествовало проникновение населения губинской группы из междуречья Одера-Нейсе, группы, представляющей собой сплав поморской культуры Польши и ясторфской Германии (Мачинский 1966; Щукин 1993; Щукин 1994, там дальнейшая литература). Ясторфские и губинские элементы обнаруживаются на ранних стадиях обеих культур. Выходцы с запада появляются в Северном Причерноморье на рубеже III-II вв. до н.э., как раз в то время, когда письменные источники фиксируют здесь появление “бастарнов-пришельцев” (Ps.Scimn 797).

В формировании новых культур могли принять участие и местные жители: носители поморской культуры в Западном Полесье, проникшие сюда несколько раньше, еще в IV в. до н.э., милоградцы на Верхнем Днепре, скифское население Среднего Поднепровья, геты Молдовы, но все они, за исключением поморцев, не оказали существенного воздействия на облик вновь сформировавшихся общностей. Во-вторых, носители формирующейся зарубинецкой культуры явно побывали на Балканах, потому что только там можно найти прототипы характерных “зарубинецких” фибул (Каспарова 1978; Каспарова 1981). Носители зарубинецкой культуры, очевидно, были участниками бастарнских походов на Балканы в 179-168 гг. до н.э., достаточно подробно описанных Титом Ливием (Liv. XL, 5, 10; 57, 4-5; 8, XLIV, 26, 14; 27, 3).

В-третьих, Страбон, описывая ситуацию в Причерноморье на рубеже II-I вв. до н.э., то есть времени расцвета зарубинецкой и поянештской культур, размещает между Истром-Дунаем и Борисфеном-Днепром “*в глубине материка*” две группировки бастарнов (Strabo, VII, 3,17). Никаких других культурных общностей, которые могли лучше соответствовать бастарнам Страбона, кроме Поянешть-Лукашевской и зарубинецкой, пока не выявлено. Следует отметить к тому же, что обе вновь образовавшиеся культуры по своему облику и структуре очень близки культурам средневропейским. Они “мисочные”, у них разнообразная лощено-хрупчатая керамика, обилие фибул, большие могильники с трупосожжениями. Обе общности, наряду с пшеворской, оксывской и ясторфской, включающей в себя и губинскую группу, составляют единый круг культур “латенизированных”, находившихся под сильным культурным воздействием кельтов. По структуре они резко отличаются от местных “горшечных” культур Восточной Европы — скифской, милоградской, юхновской, гетской (рис. 2).

Вопрос об этническом лице бастарнов остается открытым. Древние авторы называют их то галлами (Liv. XLIV, 26,2-3,14), то, с оговорками, — германцами (Strabo, VII, 3,17; Plin. H.N. IV, 81; Tac. Germ. 46). Из пяти дошедших до нас слов языка бастарнов два могут быть объяснены из германского, а три не имеют параллелей ни в одном из известных языков (Браун 1899: 112). Не исключено, что бастарны были носителями тех индоевропейских диалектов, которые позже исчезли полностью (Мачинский 1966: 96). Подобные “народы между германцами и кельтами” уже выявлены в других частях Европы (Nachmann, Kossack, Kuhn 1962). Когда в середине I в. до н.э. началось расселение предков исторических германцев из ядра ясторфской культуры в междуречье Эльбы и Одера (Die Germanen... 1976: 83-99; 184-232), племена, близкие им и втянутые в орбиту их

действий, стали германцами, группы же, оказавшиеся в стороне и втянутые в орбиту других народов, стали другими народами. Спор об этническом лице бастарнов, пожалуй, не имеет смысла. Бастарны были бастарнами.

Если П.Н.Третьяков продолжал развивать идею южного, украинского, пути, превращающегося в его интерпретации скорее в североукраинский, то другие авторы искали компромиссных решений, объединяющих оба направления — украинское и польское. В наиболее общей форме это было сформулировано Б.А.Рыбаковым в докладе на VIII Международном съезде славистов в 1978 году (Рыбаков 1978). Из этой позиции он исходил и в своих последующих работах, в частности, в труде о язычестве славян (Рыбаков 1981). Не без влияния последнего, пользовавшегося большой популярностью, сформировались и нынешние представления о происхождении славян в обыденном сознании широкой публики, отстаиваемые подчас и в научной литературе (Macala 1995).

Суть концепции Б.А.Рыбакова проста и сводилась к следующему. Во все времена существовало определенное “славянское” единство культур между Одером и Днепром: тшинецко-комаровское эпохи бронзы, лужицко-скифское начала эпохи железа, пшеворско-зарубинецкое эпохи Латена и рубежа эр, пшеворско-черняховское римского времени.

Что касается двух последних пар, то академик абсолютно прав. И пшеворская, и зарубинецкая, и черняховская культуры действительно сходны по своей структуре: во всех большие могильники, “поля погребений”, захоронения с разнообразным и многочисленным инвентарем, много фибул, обилие лощеной и лощено-хрповатой керамики. Все эти культуры “фибульные”, “мисочные”, они и в самом деле составляют единый “культурный мир” (Щукин 1994: 15-26). Только Одер никак не является его западной границей. За ним находится ясторфская культура Германии, тоже относящаяся к этому “миру”. И различия памятников пшеворской культуры с расположенными западнее даже менее заметны, чем с зарубинецкими и черняховскими. Исходя только из сходства культур, славян пришлось бы “расселить” вплоть до Рейна и Южной Скандинавии. Умолчал Б.А.Рыбаков и об отличии культур Центральной и Восточной Европы в скифское время, в VII-IV вв. до н.э. Здесь культурного Одро-Днепровского единства никак не получается. И памятники собственно скифов, и их северных соседей, носителей милоградской и юхновской культур (Мельниковская 1967; Левенок 1963), совсем не похожи на синхронную поморскую культуру Польши ни по отдельным элементам, ни по структуре. Они принадлежат разным “культурным мирам”. Никак не объясняется из этой гипотезы и резкое различие раннеславянских культур с предшествующими.

Более конкретные компромиссные гипотезы созданы В.В.Седовым, И.П.Русановой и В.Д.Бараном. Несмотря на различие нюансов в понимании реконструируемых этими исследователями процессов, их объединяет одно — признание решающей или решительной роли пшеворской культуры, воспринимаемой в качестве непосредственной преемницы традиций и этноса предшествующей поморской или подклошевой. Так что это своего рода ответвление западного пути с попытками в разной степени совместить его с восточным.

Гипотеза И.П.Русановой наиболее проста и прямолинейна (Русанова 1976; 1988; 1990). Носители раннеславянской пражско-корчакской культуры являются прямыми потомками пшеворцев, потому что прототипы горшков “пражского типа” можно найти и на пшеворских памятниках (приводятся конкретные примеры, и достаточно убедительные), а они, в свою очередь, очевидно, продолжают традицию “клешей”, больших сосудов, которые часто покрывают, перевернутые вверх дном, трупосожжения поморской культуры. Наблюдается, таким образом, непрерывность культурной традиции.

Признаться, я и сам увлекался одно время этой гипотезой, но проверка конкретных данных показала: сосуды “спецымежского типа”, выдаваемые за прототипы “пражских”, а именно на пшеворском могильнике Спецымеж они наиболее обильно представлены

(Kietlinska, Dabrowska 1963), найдены по преимуществу в комплексах II-III вв. н.э. (Щукин 1976). В целом они не столь многочисленны и не являются структурообразующими для пшеворской культуры. Имеется и большой хронологический разрыв между ними и керамикой “пражского типа”, около 300 лет.

Неоднозначно решается вопрос и о преемственности пшеворской и поморской культур. Между ними тоже существует некий хронологический разрыв в III в. до н.э. (Wozniak 1979; Щукин 1994: рис.31). Керамика поморской культуры иногда вдруг проявляется в пшеворских комплексах, но не в ранней фазе ее развития, а в последующей, спустя одно-два поколения. Процесс образования новой пшеворской общности на территории нынешней Польши был сложным, включающим, кроме слабо проявляющегося поморского наследия, активное воздействие носителей ясторфской культуры, в частности, ее губинской группы междуречья Одера-Нейсе, кельтов Силезии и, возможно, выходцев с Борнхольма и других островов Балтики (Dabrowska 1988; Щукин 1994: 101-107). Прямой преемственности поморской и пшеворской культур не прослеживается.

В.В.Седов (1979) строит более сложную комбинацию: изначально славянской, по его мнению, является культура подклошовых погребений Мазовии, того варианта поморской культуры, где, по мысли В.В.Седова, наиболее живучи традиции предшествующей лужицкой культуры. “Подклошовцы”, по мнению В.В.Седова, представляют особую археологическую культуру. Во II в. до н.э. на основе поморской (балтской, по мнению В.В.Седова) и подклошовой культур складывается культура пшеворская, благополучно существующая до конца II — начала III вв. н.э., когда пшеворцы продвигаются в Причерноморье и в смеси с сарматами образуют черняховскую культуру. Одновременно в Причерноморье продвигаются из Польского Поморья и носители вельбаркской культуры, готы и гепиды, но они на формирование черняховской общности существенного влияния не оказывают. После гуннского разгрома 375 года готы, интегрированные до того в славянскую или протославянскую черняховскую культуру, уходят на запад, а из черняховской культуры образуются раннеславянские пражско-корчакская и пеньковская культуры. Что касается культуры колочинской, то она, по мнению В.В.Седова и И.П.Русановой, принадлежит не славянам, а балтам. Таковы основные тезисы концепции В.В.Седова, где-то подкупающей своей стройностью.

Однако возникает и ряд противоречий. Пшеворская культура, основное звено в цепи рассуждений В.В.Седова и И.П.Русановой, очевидно, имеет тесные связи с западным, германским миром. В частности, это выражается в том, что пшеворцы были вовлечены в орбиту действий выходцев из ядра ясторфской культуры, появившихся на Майне и в Галлии в связи с движением на запад германцев Ариовиста, с которыми довелось воевать Юлию Цезарю (Caes. Bell. Gall. I, 32-54). Это движение фиксируется рядом памятников в междуречье Эльбы-Заале и на Майне. В них — согнутое оружие, керамика и другие элементы пшеворской и оксывской культур (Hachmann 1957; Peschel 1978; Godlowski 1978; Щукин 1994: 172-173). Выход из сложившегося положения В.В.Седов видит в расчленении пшеворской культуры. Западная ее часть была германской, а восточная, образовавшаяся на подклошовой основе в Мазовии, — славянской. Здесь меньше погребений с оружием, больше захоронений в ямах, чем в урнах, больше горшков, нежели мисок. В целом эта гипотеза подкупает нетривиальностью рассуждений, учетом сложности этногенетических процессов и неадекватности их археологического выражения. Но возникает и ряд сомнений. Польские коллеги весьма неоднозначно подходят к вопросу о соотношении поморской и подклошовой культур (Malinowski 1961; Hensel 1973). Справедливо ли вычленять последнюю в самостоятельное явление с особым этническим содержанием? При наличии некоторых различий, об особой культуре все же говорить не приходится, подклошковые погребения есть и в западной части, погребения в каменных ящиках, характеризующие поморскую культуру, встречаются и в восточной.

Не видят польские коллеги и особого восточного варианта пшеворской культуры, она на

удивление монолитна. На картах В.В.Седова этот восточный вариант тоже заметен не очень отчетливо (Седов 1979: рис. 11). Произошло здесь и просто недоразумение. В восточный вариант пшеворской культуры попал ряд памятников продвигающейся в это время на юго-восток культуры вельбаркской, для которой тоже характерно отсутствие оружия в захоронениях и ямный обряд трупосожжений. В качестве восточнопшеворских В.В.Седовым указаны такие вельбаркские памятники, как Клочев, Стара Весь, Кавенчин, Брулино-Коски, Ростки, Тухлин, Дроздово — классические могильники вельбаркско-цельской культуры (Седов 1879: рис.11; Wolagiewicz 1981: Tab.1, 84; Jaskanis, Okulicz 1981: 178-190, гус.32), связываемые с процессом продвижения готов из Польского Поморья к Черному морю. Впрочем, здесь нет непосредственно вины самого В.В.Седова, вельбаркская культура, как таковая, только в эти годы и была выделена, некоторые из этих памятников и до него иногда считали пшеворскими.

Более же всего смущает, что по концепции В.В.Седова получается: в течение почти 600 лет, со II в. до н.э. и до конца IV в. н.э., в рамках пшеворской и черняховской культур, славяне жили в непосредственном соседстве и совместно с германцами, вандалами или лугиями пшеворской культуры, готами и другими германскими племенами, представленными черняховской культурой, а наличие в составе последней определенного вельбаркского и, более широко, североевропейского вклада (длинные дома, костяные и железные гребни, некоторые формы керамики и пр.) отрицать не приходится (Щукин 1977; Szczukin 1981). Это длительное совместное проживание должно было бы сказаться и на славянских языках, чего мы не наблюдаем. Определенные славяно-германские языковые контакты фиксируются (Мартынов 1963), но они не столь существенны и могут быть объяснены в ином историческом и языковом контексте (Топоров 1983).

В.Д.Баран и его ученики-соавторы (Баран 1972; Баран 1981; Баран 1988; Баран, Козак, Терпиловский 1991; Козак 1991; Козак, Терпиловский 1983; Козак 1994; Терпиловский 1994) следуют за основными посылками В.В.Седова и П.Н.Третьякова, объединяя их в цельную картину, хотя и несколько противоречивую, поскольку каждый из соавторов акценты расставляет, вероятно, несколько по-своему. Молчаливо и априори принимается славянство и поморско-подклошевой, и зарубинецкой культур, тем более что в сложении последней носители первой, продвинувшиеся в IV в. до н.э. в западное Полесье, сыграли определенную роль. Впрочем, и представители местных культур — милоградской, лесостепной скифской, юхновской, — также участвовавшие в создании зарубинецкой общности, мыслятся как славяне. Пшеворская культура представляется украинским соавторам в целом германской, но в ней есть и славянский поморско-подклошевый элемент, и те пшеворцы, что проникали с середины I в. до н.э. в Верхнее Поднестровье и на Волынь, безусловно, были славянами.

“Славянская” зарубинецкая культура спокойно существовала до середины I в. н.э., когда она была разрушена нашествием сарматов. Часть населения отошла на северо-восток и восток, часть — на запад, образовав на Волыни, вместе с обитавшими уже здесь пшеворцами, зубрецкую группу памятников, исследованную за последние годы Д.Н.Козаком (Козак 1991).

В конце II—III вв. н.э. на Волыни появляются памятники вельбаркской культуры, что сопоставляется с движением готов к Черному морю. В результате носители культуры зубрецкой группы концентрируются в Верхнем Поднестровье и затем включаются в состав черняховской культуры. Нужно сказать, что черняховские памятники Львовщины, родных мест В.Д.Барана, действительно представляют в черняховской культуре специфический вариант — здесь нет, в частности, длинных домов и больших биритуальных могильников, что свойственно черняховской культуре в целом. Могильники этой группы Рипнев-Черепин вообще не известны. Более того, здесь имеется определенное число квадратных полуземлянок с печью-каменкой, что весьма характерно для достоверных раннеславянских культур. Поэтому, по мнению В.Д.Барана, именно

здесь происходит трансформация черняховской культуры в раннеславянскую.

Параллельно в Среднем Поднепровье, в Подесенье и на Днепровском Левобережье на базе рассеянных позднезарубинецких групп памятников киевского типа происходит формирование киевской культуры, частично территориально пересекающейся с образовавшейся тогда же черняховской. Киевская культура, наследница зарубинецкой, без сомнения, славянская. Что касается культуры черняховской III-IV вв., то это обширное культурно-социальное образование, хотя и полиэтнично, включает в себя потомков местных поздних скифов и сарматов, а также гетов в Молдове и Румынии, но основу его составляют тоже славянские племена, потомки позднезарубинецких групп. (Очень хотелось бы конкретно видеть и прочие такие группы, кроме тех, уже упоминавшихся, что дали в результате киевскую культуру и памятники типа Рипнева-Черепина на родине В.Д.Барана, пока же таковые отсутствуют — М.Щ.).

Готы же, безусловно присутствующие в Причерноморье, представлены исключительно, по мысли киевских коллег, памятниками вельбаркской культуры, проникшими на Волинь и в среднее течение Южного Буга. Они, возможно, и играли определенную политическую роль, доминируя над остальным населением черняховской культуры, но были немногочисленны. В целом черняховская культура тоже славянская. После гуннского нашествия в конце IV в. и ухода готов в Подунавье на основе киевской культуры образовалась раннеславянская колочинская и, частично, пеньковская культуры, хотя большую часть последней составили, по В.В. Седову, наследники черняховцев, а на основе верхнеднепровских черняховских памятников, раскопанных В.Д.Бараном, образовалась культура пражско-корчакская.

Такова, вкратце, концепция киевских ученых. Часть реконструированных ими исторических процессов, по всей вероятности, действительно имела место в реальности, во многом реконструкция совпадает и с предлагаемой мною (Щукин 1994), но акценты здесь расставлены иначе.

Смущают же следующие моменты. Во-первых, славянство и подклошовой, и зарубинецкой культур доказывается киевскими коллегами лишь самой цепочкой якобы прослеживаемой культурной непрерывности, выводимой на достоверно славянские культуры. Других аргументов в пользу этой посылки нет. Наблюдается, с точки зрения элементарной логики, явление “порочного круга” рассуждений. Исходная посылка доказывается лишь конечным результатом, который на этой посылке и базируется.

Во-вторых, в реконструкции совсем не остается места бастарнам, народу, игравшему весьма заметную роль в истории Северного Причерноморья с III в. до н.э. по III в. н.э., что подтверждается рядом письменных и эпиграфических источников (Strabo VII, 3,17; Plin. N.H. IV, 80-81; CIL XIV, 3608; Tac. Germ. 46; Блаватская 1952: 152-158; Щукин 1994: 96-137, 227-232). А место им, очевидно, найти следует. Вероятность отождествления классической зарубинецкой культуры и сходной культуры Поянешты-Лукашевка с бастарнами весьма велика, так же как и некоторых групп Верхнего Поднепровья и Волини — звенигородской и, может быть, зубрецкой для несколько более позднего времени, середины — второй половины I в. н.э. — первой половины III в. н.э. Какое-либо иное местоположение бастарнов предложить пока трудно.

В-третьих, связи некоторых звеньев предлагаемых киевскими археологами секвенций тоже могут быть поставлены под сомнение. Это касается как соотношения поморского, пшеворского и зарубинецкого элементов (другие группы тоже принимали участие в формировании этих культур), так и перерастания зубрецкой группы в черняховскую группу Рипнев-Черепин, а последней — в пражско-корчакскую культуру. В частности, смущает ряд стратиграфических, сугубо археологических, наблюдений: в жилищах ряда поселений Верхнего Поднепровья и Львовщины, где выявлена сочетаемость гончарной черняховской керамики и лепной славянской, что и доказывает, якобы, перерастание одной культуры в другую, последняя (славянская) представлена целыми,

склеивающимися формами сосудов, а первая (черняховская) — лишь отдельными фрагментами, не образующими целых сосудов.

Складывается впечатление, что квадратные славянские полуземлянки с печами-каменками были вырыты в культурном слое сильно разрушенных селищ позднечерняховской культуры. Котлованы покинутых ранними славянами полуземлянок, заполнились затем культурным слоем предшествующих черняховских поселений с фрагментами соответствующей посуды, что и создает ощущение единых славяно-черняховских переходных комплексов. Никак не проясняет киевская концепция и структурных различий культур, особенно если принять тезис о славянской принадлежности в целом черняховской культуры. Различие ее с последующими, действительно славянскими культурами требует, при всех обстоятельствах, своего объяснения.

Таким образом, ни одна из предлагавшихся гипотез не приносит полного удовлетворения, ни одна не обходится без противоречий и несоответствий, хотя каждая привнесла и свои открытия, и свои верные наблюдения, каждая отражает в какой-то мере и реальный ход процессов. Но объяснения всех имеющихся в нашем распоряжении фактов в рамках этих гипотез не происходит, нужно искать какие-то иные подходы. Их нельзя найти, если не привлекать данные других наук — лингвистики и истории. Причем в каждой из научных областей исследование должно вестись самостоятельно, без оглядки на данные иных наук, сопоставляться, для чистоты эксперимента, должны лишь результаты исследований. К случаям совпадения, очевидно, следует внимательно прислушаться, случаям несоответствия (а они неизбежны, потому что каждая из наук изучает особую сферу и совпадение их отнюдь не обязательно) нужно искать свое объяснение, поскольку исторический процесс так или иначе един.

Данные языкознания

Если суммировать все достаточно многочисленные и в среде лингвистов дискуссии по проблемам славянских языков и славян как таковых, то можно извлечь приблизительно следующие выводы. Вряд ли они полностью объективны, судить могут лишь специалисты, хотя и их оценки не могут быть лишены субъективизма. Постараемся извлечь те данные, которые в той или иной степени совпадают с выводами иных наук — истории, как критики ее источников, и археологии. Я в данном случае пользуюсь, кроме общеизвестной литературы, и некоторым опытом, полученным во время работы в 70-80-х годах в двух совместных семинарах языковедов, этнографов, историков и археологов, организованных А.С.Гердом и Г.С.Лебедевым при Ленинградском университете и А.С.Мыльниковым при Институте этнографии. Получается приблизительно следующее.

Не вдаваясь в детали, можно утверждать, что лингвисты установили: в общеславянском языке, если таковой действительно существовал, есть заимствования из языков балтских, иранских, угро-финских, германских, фракийских и кельто-иллирийских (Vana 1983: 25; Седов 1979, рис.1). Значит, славяне должны были бы занимать территории, лежащие где-то между всеми названными народами. Но лингвисты своими средствами совершенно не в состоянии установить, когда на протяжении тысячелетий все упомянутые контакты осуществлялись и были ли они одновременны и одноразовы. Границы же распространения носителей тех или иных языков со временем могли существенно меняться, и вряд ли стоит опираться на представления об их нынешних ареалах.

Хронология — одно из самых слабых мест лингвистов. Все их отсылки на процессы IV-I тысячелетий до н.э., которыми они часто оперируют, на самом деле сугубо интуитивны, и никаких реальных привязок к реальным историческим процессам в самом языкознании практически не существует. Приходится обращаться, подчас довольно произвольно, к археологическим и историческим данным.

Из известных мне, лишь один пример имеет действительно реальную историческую привязку: одно из слов общеславянского языка, достаточно условно реконструируемого

лингвистами как некий набор слов и грамматических явлений присущих всем славянским языкам, — это слово “король”, созвучное с именем Карла Великого, короля франков (Шахматов 1919: 26), объединившего в 771-814 годах под своей властью большую часть Западной Европы. Отсюда следует вывод, что общеславянское состояние языка существовало именно во времена Карла или вскоре после него, а как долго оно существовало до того, остается полностью неясным.

И это лишь единичный случай. Сколько я ни обращался к работам лингвистов, я так и не обнаружил ни одной, где бы обсуждалась проблема соотношения относительной хронологии языковых явлений, а ее языковеды достаточно успешно наблюдают, с возможностями привязки к хронологии абсолютной. Возможно, аналогичных случаев можно найти больше, но сама система мышления у языковедов иная, и вопрос им кажется странным и слишком придирчивым. Сказывается разница менталитета: археология — наука более позитивистская, чем языкознание.

Не ясно лингвистам и пространственное помещение наблюдаемых ими языковых контактов. Часто исходят из современного территориального размещения носителей этих языков или их предков и потомков. Тогда это или Висло-Одерское междуречье, по гипотезе Т.Лер-Сплавинского (Lehr-Splawinski 1946), на основе которой базировались и археологические теории Й.Костшеского и других приверженцев западного пути, либо Висло-Днепровское междуречье, как думали иные, либо все Одерско-Днепровское пространство, по мысли третьих. Весомость всех трех гипотез с точки зрения лингвистики приблизительно равнозначна, хотя в пользу второй есть и дополнительные аргументы.

В частности, Ф.П.Филин пишет: *“Обилие в лексиконе общеславянского языка названий для разновидностей озер, болот, лесов говорит само за себя. Наличие в общеславянском языке разнообразных названий животных и птиц, живущих в лесах и болотах, деревьев и растений умеренной лесостепной зоны, рыб, типичных для водоемов этой зоны, и в то же время отсутствие общеславянских наименований специфических особенностей гор, степей и моря — все это дает однозначные материалы для определенного вывода о прародине славян... Прародина славян, по крайней мере в последние столетия их истории как единой исторической единицы, находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами... Однако наше предположение пока что достаточно неопределенно... Области умеренной зоны с озерами и болотами располагались на обширном пространстве от среднего течения Эльбы и Одера на западе до Десны на востоке. Такой обширной славянская прародина не могла быть, по крайней мере на ранних ступенях развития общеславянского языка, поскольку выделение этого языка из состава других индоевропейских диалектов и его развития как единой стройной системы предполагает тесное и постоянное общение его творцов и носителей в течение длительного времени”* (Филин 1962, с. 122-123).

Лингвистическая география, таким образом, приносит решение в слишком общей форме, хотя выводы ее, также как и “метода языковых контактов”, следует иметь в виду.

Не приносит ожидаемых результатов и изучение топонимики. Славяне VI-VII вв., а именно они, скорее всего, могли быть носителями общеславянского языка, судя по данным истории и археологии, расселились очень широко, повсеместно разнеся свои названия рек, урочищ и поселений. Ни в Восточной, ни в Центральной Европе нет области, где была бы представлена исключительно славянская топонимика, всегда есть та или иная примесь. В конечном итоге, славянская топонимика протянется до Приамурья и Тихого океана, и мы знаем, с какими историческими процессами, выходящими уже за хронологические рамки нашего исследования, это связано.

А если бы такая область “чисто славянской топонимики” и нашлась, это тоже не означало бы, что прародина славян именно здесь и находится. Чаще всего подобные явления наблюдаются в районах, откуда местное население по тем или иным причинам выселилось, а пришельцы, придя на запустевшие земли, все переименовали. Яркий

пример тому — топонимика современной Калининградской области, части бывшей Восточной Пруссии. Все прежние немецкие и предшествующие балтские наименования в один момент были изменены на русские.

Поэтому, когда О.Н.Трубачев (1968) и Я.Удольф (Udolf 1979) находят скопления раннеславянских топонимов на западной Украине и в Прикарпатье, это не означает, что именно здесь протекал процесс славянского этногенеза. Ситуация, очевидно, была более сложной, хотя и ее следует учитывать.

В пользу ограничения обширной зоны “болотно-лесной” топонимики лишь ее восточной частью свидетельствует весьма весомый тезис, выдвинутый еще в 1908 году польским ботаником Ю.Ростафинским и в последствии неоднократно повторяющийся: *“Балты не знали ни бука, ни лиственницы, ни пихты, ни тисса, поскольку название его перенесли на крушину. Славяне общеиндоевропейское название тисса перенесли на вербу, иву и не знали лиственницы, пихты и бука. Таким образом, анализ названий деревьев указывает на среднюю Россию, как родину семьи балто-славянских народов”* (Rostafinski 1908: 10).

Если выводы Ю.Ростафинского верны, то отсюда могло вытекать следующее: поскольку восточная граница распространения бука приходится приблизительно на линию Калининград-Одесса (Филин 1962: 22), то все процессы образования общеславянского языка должны были бы происходить к востоку от этой условной линии, которая, в зависимости от экологических условий, естественно, могла колебаться, но вряд ли слишком решительно. Конкретных же палинологических или других данных противниками “букового аргумента” не приводится.

Общеславянский язык мог существовать, таким образом, где-то между зонами распространения бука, лиственницы и пихты, поскольку собственных наименований для этих деревьев славяне не придумали.

Итак, казалось бы, с точки зрения лингвистической географии, восточный путь поиска прародины славян в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы представляется более перспективным. Но здесь мы тоже сталкиваемся с определенным противоречием данных. Дело в том, что это — зона широкого распространения и преобладания балтской топонимики, а специальное исследование В.Н.Топорова и О.Н.Трубачева (1962) показало: во всяком случае, в Верхнем Поднепровье балтские гидронимы зачастую оформлены славянскими суффиксам. Это означает, что славяне появились в этом регионе позже балтов.

О том, когда это могло произойти, у языковедов нет собственных данных, но именно этот момент заставляет И.П.Русанову и В.В.Седова искать выхода на западном пути. Об археологических противоречиях, с которыми им на этом пути придется столкнуться, говорилось уже ранее.

Выход из создавшегося положения мыслиться лишь один: в признании тезиса, отстаиваемого теми же лингвистами, о существовавшем некогда балто-славянском языковом единстве как переходной общности от общебалтской к праславянской (Иванов 1976: 44). Славянские языки, как это ни может показаться странным, с точки зрения лингвистов, по своему грамматическому строю и прочим показателям ближе всего балтским, чем каким-либо другим. В частности, языковеды пишут: *“...Можно ли отнести тождественные модели балтийского и славянского древнейшего состояний к одной временной плоскости, или же одну из моделей следует рассматривать как результат другой, предшествующей во времени... Из двух возможностей нам представляется необходимым выбрать вторую, а именно, считать модель, установленную для славянского, результатом преобразования модели, установленной для древнейшего балтийского состояния, обратное соотношение исключается...”* (Иванов, Топоров 1958).

Отношения балтских и славянских языков рассматриваются теперь лингвистами не как отношения двух братьев, происходящих от единого индоевропейского предка, и даже не как отношения старшего, балтского, брата к младшему славянскому, а скорее как

отношения отца к сыну (Топоров 1978). Славянские языки, или язык, вычленились и отделились от балтских. Если же лингвисты правы, то многие археологические и исторические факты нашли бы свое объяснение, но об этом чуть ниже. Языковеды не могут знать точно, когда произошло рождение славянского сына от отца-балта или из материнской балтской утробы. У них для этого есть лишь следующие приблизительные данные: “... языки с наименьшей дробностью и наибольшей площадью распространения оказываются языками наиболее позднего происхождения, распространившимися на этой территории в позднейший период (сравним языки банту и бантоидные, английский язык на разных континентах в сравнении с дробностью западногерманских языков на территории Европы и т.п.) ...Данные славянских языков характеризуются большим однообразием, что дает возможность довольно точно проецировать эти данные в доисторическую эпоху, слабо дифференцированную в диалектном отношении и отстоящую очень недалеко (подчеркнуто мною — М.Щ.) от времени создания первых письменных источников. Поскольку эти источники (русские летописи, записанные не ранее X-XI веков — М.Щ.) не старше самого конца I тысячелетия н.э., конец праславянского состояния должен быть отнесен к весьма позднему времени” (Иванов, Топоров 1958). Нужно учесть также изменения, происходившие за последние десятилетия в самой системе мышления лингвистов. Если в 40-50 годы было принято считать, что язык, как один из основных показателей каждого этноса, всегда остается неизменным или меняется несущественно (а в обыденном сознании этот тезис сохраняется и до сих пор), то лингвисты-специалисты уже отдают себе отчет в сложности протекавших языковых процессов. Приведу лишь один пример, имеющий и прямое отношение к нашей теме.

В.К.Журавлев писал в 1968 году: “Праславянский язык, как, возможно, и любой другой праязык, вполне реалистично представить себе как изоглоссную область, как пространственно-временной континуум более или менее родственных диалектов, где действовали праславянские (или какие-нибудь иные для другой семьи языков) тенденции развития, обусловившие последовательную цепь процессов ...В праславянскую (или в какую-нибудь иную праязыковую) изоглоссную область различные диалекты могли входить не одновременно, раньше или позже. Вполне вероятно, что те или иные диалекты, ранее входившие в данную изоглоссную область, могли выйти из нее, примкнуть к другой изоглоссной области, иногда не родственной. В такой “оторвавшейся” изоглоссной области будут действовать противоречивые процессы — свои старые и новые, идущие из эпицентров новой изоглоссной области (ср. сближение славянских и романских языков в балканском языковом союзе, сближение балтийских, славянских и финских на территории Прибалтики, сближение индоевропейских, кавказских и тюркских в рамках кавказского языкового союза). — Есть некоторые основания полагать, что древнепрусский язык, языки ятвягов и голяди первоначально входили в протославянскую изоглоссную область, но позже, оторвавшись от нее, примкнули к балтийской (летто-литовской), возможно, явившись эпицентром иррадиации общебалтославянских процессов. В свою очередь, летто-литовский, вероятно, в какой-то период примыкал к прагерманской изоглоссной области, оторвавшись от нее, примкнул к балтославянской, был до новых встреч с германскими языками эпицентром иррадиации некоторых германо-общебалтских тенденций. Детализация и хронологизация перераспределения изоглоссных областей пока может быть лишь спорной — не установлена относительная хронология древнейших процессов, не установлена их иерархия, данные, добытые путем внутренней реконструкции на материале одного языка пока несопоставимы с данными другого языка или языковой семьи. Поэтому пока речь может идти лишь о принципиальной допустимости перераспределения изоглоссных областей” (Журавлев 1968: 173-175).

В принципе наблюдения В.К.Журавлева можно было бы проиллюстрировать и некоторыми археологическими материалами, но это тема специальной работы, пока же

для нас важны выводы лингвистов “о принципиальной допустимости перераспределения изоглоссных областей”, представления о языке как пространственно-временном континууме диалектов, принципиальное признание языковых союзов и “сближение” языков и диалектов в их рамках. Согласитесь, подходы такого рода существенно меняют наши представления об этнических процессах и открывают новые перспективы их реконструкции.

Нужно, очевидно, учесть и еще один момент — далеко не все языки и диалекты сохранились до нашего времени, многие исчезли полностью и лишь некоторые из них оставили косвенные следы своего существования. Вычисляются, в частности, некие “народы между германцами и кельтами” (Nachmann, Kossack, Kuhn 1962), “между балтами и финнами” (Серебряников 1957). На самом деле таких “промежуточных” групп, народов *x*, могло быть значительно больше.

Мы не можем миновать в данном контексте и последней гипотезы О.Н.Трубачева о Паннонской прародине славян, основанной сугубо на лингвистических данных (Трубачев 1991). Не рискуя вступать в споры лингвистического порядка, могу лишь сказать, что, с точки зрения археологии и истории, эту гипотезу в целом было бы очень сложно подтвердить объективными свидетельствами, хотя ряд явлений вполне объясним и с позиций общей комплексной концепции, излагаемой ниже. В частности, объясним и основной тезис О.Н.Трубачева о широком распространении “Дунаев” в славянской топонимике (Мачинский 1981). Опять вопрос упирается в отсутствие у лингвистов надежных хронологических привязок. Отсюда возможны разные исторические трактовки явлений.

Данные письменных источников. Проблема венедов

Византийским авторам середины VI в. славяне достаточно хорошо известны, и они уже довольно широко расселились по Восточной Европе, проникли в Европу Центральную. Мы не будем сейчас вникать ни в дискуссии о местоположении города Новиетуна (в Паннонии или в Добрудже) и Мурсианского озера (Анфертиев 1991: 132-134; Шувалов 1989: 140-142) — западных пунктов отчета ареала склавинов, ни в споры о восточных границах их соседей и сородичей антов, расселявшихся до “Данапра”, по Иордану (Iord. Get. 35) или и далее к востоку, по Прокопию (Proc. V.G. VII, 14. 29-30).

Напомним лишь некоторые важные даты (Шувалов 1989: 30-37). Первый набег антов на Империю фиксируется в начале правления императора Юстина I (518-527 гг.), когда они вторглись во Фракию вслед за кутригурами и были разбиты стратегом Германом (Proc. V.G. III, 40,5). Следующий набег их состоялся лишь спустя более 20 лет. На этот раз проблема была разрешена дипломатическим путем. В 545 г. византийцы предложили антам союз против гуннов-кутригуров, пообещав им выплатить много денег и помочь в обустройстве на землях в районе города Турриса (Proc. V.G. IV, 33), в котором большинство комментаторов видят античную Тиру в устье Днестра. Очевидно, основная зона обитания антов находилась тогда где-то севернее или восточнее.

В том же 545 г. и склавины впервые вторгаются на Балканы, но разбиты, походя, герулами, состоявшими на службе Византии и направлявшимися на войну в Италию весной 546 года (Proc. V.G. III, 13, 24-24). Через два года 15-тысячный отряд склавинов опять появляется на территории Империи и часть его принимает участие в походе опального королевича лангобардов Ильдигиса с шеститысячным войском в Италию в 548 году (Proc. V.G. III, 29, 1-3; 35, 19-20). Через год успешный рейд против Империи осуществляется всего трехтысячным отрядом склавинов, захвативших большую добычу, а в 550 году они вторгаются уже более значительными силами, “*чем когда-либо прежде*” (значит, более 15 тысяч), осаждают даже Фессалоники, но уходят лишь при приближении армии Германа (Proc. V.G. III, 38; 40,1-7).

Несмотря на еще два похода в 551-552 годах (Proc. V.G. III, 40, 31-45; IV, 26, 1-6, 10), они “замирают” до 577 года, и лишь после смерти Юстина II в 578 г. и вступления на престол

Тиберия *“враги сильно налегли на него, особенно проклятые эсклавины и те, которых называют аварами,*» в числе более 100 тысяч (Menandr, fr.: 47-48). В дальнейшем походы “эсклавинов” и попытки массового переселения за Дунай следуют практически почти постоянно, но мы не будем вдаваться в их детали.

Из изложенного вкратце следует вполне определенный вывод: до 40-70 годов VI века анты и склавины, располагавшиеся за Дунаем и в Причерноморье, еще не имели достаточных баз и сил для решительного воздействия на политику поздней Римской Империи-Византии, вторгались лишь небольшие по численности отряды.

Тем не менее, где-то к северу от Дуная славяне уже присутствовали, и об этом свидетельствует один из фрагментов труда Прокопия (Proc. V.G. II, 15). Еще в 512 году герулы, где-то на территории южной части Среднего Подунавья, потерпели крупное поражение от гепидов и лангобардов. Часть перешла на службу Империи, и они уже упоминалась, а часть решила вернуться на прародину, в Северную Европу или Скандинавию (Proc. V.G. II, 15).

Не будем опять же вдаваться в детали. Поскольку прямой путь на север был отрезан враждебными гепидами, располагавшимися в это время в Трансильвании, герулам не оставалось иной дороги, как двигаться на север, огибая Карпаты с востока. При этом им довелось пройти все земли, занятые склавиными, затем некие пустующие земли и, наконец, достигнуть территории Дании или прилегающих побережий Балтики (рис. 1, карта). Склавины, таким образом, в это время (в 512 году) расселялись, в частности, и вдоль восточных и, возможно, северо-восточных склонов Карпат (Мачинский 1976).

Таким образом, 512 год является, в какой-то мере, юбилейным для славян: впервые они обозначены в исторических текстах под своим собственным именем “склавины” и в связи с конкретной исторической ситуацией. Существует мнение: разноречия в написании термина “склавины-славяне” обусловлено лишь тем, что для латинского и греческого языков сочетание звуков “с” и “л” неприемлемо и древние авторы вставляли между ними “к” (Анфертиев 1991: 127). Лингвистам, конечно, виднее, но я предпочитаю в данном случае сохранить традиционное написание и не ставить полного знака равенства между терминами “склавины” и “славяне”.

Что касается антов, то они на страницах источников появляются еще раньше склавинов. Уже в конце IV в., накануне 376 г. (точнее неизвестно), они участвуют в неких событиях, происходящих где-то в Северном Причерноморье. Известия мы находим у Иордана (Iord. Get. 121-131; 246-250) и, частично, у Аммиана Марцеллина (XXI, 3-4), современника событий, рассказывающих о нападении гуннов, перешедших вброд Меотийское озеро (Азовское море), напавших на алан-танаитов в низовьях Дона, а затем на владения короля готов Германариха, который при этом и погиб. Затем гунны разбивают на Днестре и Атанариха, короля вестготов, значительная часть подданных которого ищет спасения в пределах Империи, перейдя Дунай в конце 376 года.

Остготы, оказавшиеся под властью гуннов, попытались освободиться и во главе с наследником Германариха Винитарием (по Иордану) или Витимиром (по Аммиану) напали на союзных гуннам антов, распяли их вождя Боза, но через год в битве с самими гуннами на реке Эрак предводитель готов был убит, и власть завоевателей сохранилась. Части остготов во главе с вождями Алатеем и Сафраком удалось уйти, прихватив и малолетнего наследника готских королей Видерика. Вместе с вестготами они переправляются через Дунай и затем в 378 г. сражаются против римской армии под Адрианополем. Остгото-анто-гуннская война случилась, таким образом, ранее осени 376 г.

К сожалению, из имеющихся свидетельств письменных источников невозможно установить, где находилась река Эрак, как располагалось государство Германариха и где размещались при этом анты. Ясно лишь, что события происходили где-то между Доном и Днестром.

Наиболее же интересны для нашей темы сведения Иордана о третьей ветви славянских народов — о венетах. Описывая занятую в его времена гепидами Дакию, расположенную между реками Тиссией и Флутавсием (Прутом), а с севера **“укрепленную наподобие венца крутыми Альпами”** (Карпатами), готский историк пишет: **“У их левой стороны, которая склоняется к северу, от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются склавиными и антами”** (Iord. Get. 34).

Трудно удержаться от искушения и не сопоставить тут же с этим известием карту распространения раннеславянских памятников первой фазы по Михалу Парчевскому, которые на территории Польши узкой полосой как раз достигают верховьев Вислы (Parczewski 1993: Abb.26). Датировка их, к сожалению, не очень определена: вторая половина V в. возможна “теоретически”, но лишь потому, что соответствующие находки невозможно отличить от начала или второй четверти VI века, а верхняя хронологическая граница их приходится на рубеж VI-VII веков или даже на первую половину VII века (Parczewski 1993: 93).

Венетов упоминает Иордан и в несколько ином контексте (Iord. Get.119): **“После избиения герулов Германарих двинул войско на венетов, которые, хотя и достойны презрения из-за плохого вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться... Они же, как было сказано... в каталоге народов** (в приведенном выше абзаце), **произошедя из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и склавинов, которые теперь свирепствуют всюду, по грехам нашим** (Иордан писал как раз после упомянутых набегов склавинов 548-550 годов), **тогда все они, однако, подчинились власти Германариха”**. Это события приблизительно середины IV века, и происходили они, очевидно, опять же где-то между Днестром и Доном, точнее сказать по данным Иордана невозможно, но это и не суть важно.

Важно другое: из текстов Иордана проистекает двоякий и даже тройкий вывод. С одной стороны, венеты — это обобщающее понятие всех славян, склавинов и антов, с другой стороны, они вроде бы и отдельная обособленная группа, с третьей, складывается впечатление, что именно венеты и были общим корнем всех славянских группировок. Если же это так, то этот венетский корень и стоит поискать.

Уже давно, со средневековья (Седов 1994: 7-14), сложился устойчивый стереотип, что те венеты-венеды, которых поминают и более ранние античные авторы, располагаются на территории Польши. Я и сам преодолел этот стереотип не сразу и не просто. Однако, и занимаясь памятниками первых веков нашей эры, и перечитывая древних авторов, я все больше приходил к заключению, что практически нет никаких определенных данных для польской приуроченности венетов, во всяком случае, они каждый раз оказываются где-то к востоку от Вислы. Толчком же к размышлениям в этом направлении стали блестящие доклады и статьи Д.А.Мачинского (Macinski 1974; Мачинский 1976; Тиханова, Мачинский 1976). Там изложена основная аргументация, что позволяет мне быть кратким. Постараемся посмотреть на имеющиеся в письменных источниках данные непредвзято. Начнем с автора наиболее компетентного, объективного и знающего, с Корнелия Тацита. Его отец был прокуратором провинции Бельгики, в столице которой Августе Тревири (современный Трир) и родился будущий писатель в 57 или 58 г. При Флавиях этот провинциал сделал блестящую карьеру в Риме, стал сенатором, выполнял функции городского претора (то есть, по современным понятиям, был мэром Рима), входил вместе с императором в жреческую коллегию квиндецемвири, в силу сочетаемости этих должностей должен был заниматься организацией “секулярных игр” 88 года (Кнабе 1981: 54-68).

С 89 по 93 гг. он выполнял какое-то важное поручение императора в провинции, как полагает большинство комментаторов, где-то в Порейнье (Кнабе 1981: 79). Скорее всего,

это была Верхняя Германия, где только что был подавлен мятеж четырех легионов и куда прибыл император Домициан, чтобы провести кампанию против германцев. Возможно, важным поручением Тациту и был сбор информации о Германии, завоевать которую и продвинуть границы Империи до Эльбы римляне безуспешно пытались со времен Августа. А с геополитической и стратегической точки зрения это действительно было необходимо, дабы прикрыть возможности варварских вторжений в Италию через верховья Дуная и Рейна. Позднее варвары такие вторжения неоднократно и осуществляли, приведя Империю к гибели. Анализ неудач нетрудно вычитать в трудах Тацита. Отбыв должность консула в 97 году, Тацит издал в 98 году небольшую книжку “О происхождении и местах обитания германцев”, как раз при приходе к власти Ульпия Траяна, последнего завоевателя в Римской империи и прежнего прокуратора Верхней Германии. При Траяне писатель продолжал занимать важные государственные посты, в частности, был прокуратором провинции Азия во время дакийской кампании императора (Щукин 1994: 240-241).

Таким образом, при работе над “Германией” Тацит действовал не столько как писатель и историк, сколько как один из людей, которых теперь называют “аналитиками”. Его задачей было создать для своих заказчиков, Домициана и Траяна, по возможности полную и объективную картину ситуации в стане противника, пользуясь всей полнотой доступной информации, включая агентурную.

Тацит подробно, с привязкой к реалиям географической среды, объективно описывает территории, занятые различными германскими племенами. Делает это, очевидно, добросовестно, поскольку не составляет особого труда разместить их на современной географической карте и на карте археологической — их местоположение достаточно адекватно, в большинстве случаев, совпадает с размещением скоплений археологических памятников (Germanen 1976: 49-55; Щукин 1994: 241-242). При этом получается, что большая часть нынешней центральной Польши занята многочисленными племенами лугиев, а Поморье — готонами, ругиями и лемовиями. Не остается другого выхода, как видеть в носителях пшеворской культуры, простирающейся вплоть до Западного Буга (Dabrowska 1973), лугиев (Godlowski 1985: 141), а в Поморье, как раз ко времени Тацита, складывается культура вельбаркская (Wolagiewicz 1981).

Затем Тацит описывает специфический характер общин свионов, находящихся за морем (жителей Скандинавии) и обитателей “*правого берега Свевского моря*” — эстиев, очевидно, насельников стран Балтии, собирающих янтарь. Здесь, то есть на лугиях, свионах и эстиях, по мысли Тацита, кончается Германия-Свевия (Тас. Germ. 41-45). Что касается границы этой страны с Дакией и Сарматией, то от первой она отделена горами (Карпатами), а от второй — зоной “*взаимной боязни*” (Тас. Germ. 1). На этот пассаж обратил внимание Д.А.Мачинский (Мачинский 1976) и, действительно, между Западным Бугом и Неманом, а во второй половине I в. н.э. и вплоть до Поднепровья простирается некая зона пустоты и “археологической трудноуловимости” с весьма редкими и не всегда определимыми в хронологическом и культурном отношении маловыразительными памятниками — зона “*взаимного страха и ужаса*”.

Заключительный пассаж “Германии”, касающийся народов, населяющих Сарматию (Тас. Germ. 46), цитируется практически во всех работах, посвященных рассматриваемой нами проблеме. Существует несколько переводов его, более или менее удачных, хотя содержание от этого существенно не меняется. Приведу здесь последний перевод Ф.В.Шелова-Коведяева (1991: 39), хотя он, быть может, и не самый выразительный как с литературной точки зрения, так и по ясности изложения:

“Я колеблюсь, причислить ли народы певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя, как германцы. Все они живут в грязи, а знают в бездействии. Смешанными браками они

обезобразивают себя, почти как сарматы. Венеты многое усвоили из нравов (к сожалению не ясно, из нравов бастарнов, или сарматов, или тех и других — М.Щ.), ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и дома строят, и носят щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты — все это отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне”.

Где же находятся те леса и горы, по которым бродят разбойничьи шайки венетов? Это можно выяснить, лишь определив местоположения бастарнов и феннов, а у самого Тацита никаких указаний на расположение ни тех, ни других нет. Помочь могут лишь свидетельства иных авторов.

Бастарны и их часть певкины достаточно хорошо известны Страбону (Strabo VII, 3,17). Последние владеют островом Певкой в дельте Дуная, а две прочих бастарнских группировки, атмоны и сидоны, располагаются *“в глубине материка”* между Дунаем и Днестром, за которым находятся сарматы-роксоланы (Щукин 1994: 152-153). Но Страбон описывает ситуацию рубежа II-I вв. до н.э., времени Митридата Евпатора. Прошло более 100 лет, положение могло измениться.

И действительно, Плиний, непосредственный предшественник Тацита, подробно описывает устье Дуная, называет все его гирла и острова между ними, в том числе Певку, но ничего не говорит о певкинах (Plin. N.H. IV, 75). Очевидно, их там уже не было.

Местоположение бастарнов во времена Плиния (Plin. N.H. IV, 80-81) достаточно легко вычисляется, это должны были бы быть земли, примыкающие к восточным и северо-восточным склонам Карпат — Верхнее Поднестровье, возможно, часть Посанья и Волыни, может быть, северной Молдавии. Где-то в этих местах (Щукин 1994: 221-222). А ситуацию в этом регионе писатель должен был хорошо знать, поскольку черпал информацию от своего друга, наместника Мезии Плавтия Сильвана (Скржинская 1977), осведомленного по долгу службы и с бастарнами имевшего дело непосредственно: он вернул их царю захваченных врагами сыновей (CIL. XIV, 3608).

Сложнее обстоит дело с феннами, про которых другие авторы вообще ничего не говорят. Остается предположить, что эти племена могли бы располагаться где-то в зоне распространения финно-угорской топонимики, южная граница которой проходит приблизительно по линии от северной части полуострова Курземе в Прибалтике до Подмосковья. Тацит говорит о *“поразительной дикости, жалком убожестве”* феннов. *“Их пища — трава, одежда — шкуры, ложе — земля”*, они занимаются охотой и пользуются костяными наконечниками стрел (Tac. Germ. 46). И действительно, на значительной части этой зоны мы находим памятники, на рубеже эр еще сохраняющие неолитический облик (Фосс 1952; Гурина 1961; Сакса 1996).

Известия Плиния Старшего о венедах еще более туманны, чем у его последователя и знакомого Тацита (Плиний дружил с отцом последнего), хотя, судя по curriculum vitae Плиния, он должен был бы быть человеком весьма осведомленным и эрудированным. Как и Тацит, он занимал целый ряд весьма важных постов в администрации Империи, ему была доступна разнообразнейшая информация, включая агентурную. В 47 г. он участвовал в военных кампаниях против германцев в Нижней Германии в качестве префекта фракийской вспомогательной когорты, был однополчанином Тита, будущего императора, замещал затем командующего войсками в войне против иудеев, был прокуратором Сирии и командовал легионом в Египте, бывал в Галлии, Африке и Белгике, при Веспасиане возглавлял службы императорской корреспонденции и документации, закончил карьеру адмиралом Мисенского флота, погиб, организовав спасение с моря пострадавших во время извержения Везувия в 79 г. Был дружен с наместниками Мезии, беседовал с плененным царем Боспора Митридатом (Шелов-Коведяев 1991: 18; Скржинская 1977).

Но его труды “Анналы” и “Германские войны” до нас, к сожалению, не дошли, а

дошедшая “Естественная история” посвящена в основном, естественно, не проблемам политики и этнографии, а вопросам естественнонаучным. О первых говорится несколько вскользь. В данном случае эрудированность и широта интересов Плиния в какой-то мере мешала точности и детальности изложения интересующих нас в настоящий момент вопросов. Тацит был более узким специалистом.

Плиний (Plin. N.H. IV,96), как заметили Х.Ловмяньский (Lowmianski 1963: 154-155) и Д.А.Мачинский (1976), дает, по сути дела, перипл Балтийского моря. Начав с земель ингвеонов, группировки германских племен междуречья Рейна и Эльбы и упомянув “*полуостров Кимвров*”, соответствующий Ютландии, он описывает большой залив, называемый “*Коданус синус*”, наполненный многочисленными островами, из которых крупнейший — Скатинавия, столь большой, что общины гельвионов, располагаются там не менее, чем в 50 областях. (Все античные географы считали Скандинавию островом в окружающем ойкумену океане). Не менее велика, как считают, и Энингия (остров или полуостров — из контекста непосредственно не вытекает), которую “*вплоть до реки Вистулы заселяют сарматы, венеда, скиры и гирры*”. Далее, назвав залив Килипен, вероятно другое наименование Кодануса, и остров Латрис в его устье, а затем залив Ланг, “*пограничный кимврам*”, Плиний возвращается к исходной точке, указав еще на 23 острова, “*известных римской армии*”.

Поскольку в русских изданиях Плиния этот пассаж никогда не переводился полностью, всегда лишь выдержки из него, приведем этот текст, дабы каждый мог поупражняться в весьма неоднозначных возможностях его перевода:

“Incipit deinde clarior aperiri fama ab gente Inguaeonum, quae est prima in Germania, mons Saevo ibi, immensus nec Ripaeis iugis minor, inmanen ad Cimbrorum usque promunturium efficit sinum, que Codanus vocatur, refertus insulis, quarum clarissima est Scatinavia, inconperatae magnitudinis, portionem tantum eius, quod notum sit, Hillevionum gente quingentis incolente pagis: quare alterum orbem terrarum eam appellant, nec minor est opinione Aeningia, quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris tradunt, sinium Cylipenum vocari et in ostio eius insulam Latrim, mox alterum sinum Lagnum, conterminum Cimbris, promunturium Cimbrorum excurrans in maria longe paeninsulam efficit, quae Tastris appellatur. XXIII inde insulae Romanis armis cognitae, earum nobilissimae Burcana, Fabaria nostris dicta a frugis multitudine sponte provenientis, item Glaesaria a sucino militiae appellata, barbaris Austeravia, praeterque Actania.”

Текст, как нетрудно заметить, достаточно запутанный и туманный, допускающий различные варианты перевода и трактовки, и мы сейчас не будем заниматься спорной локализацией горы Сэво и некоторых других упомянутых Плинием топонимов, нас будет интересовать лишь соотношение полуострова Кимвров, Скатиnavии и Энингии. В частности, не совсем ясно, к Скатиnavии или к Энингии относится выражение “*alterum orbem terrarum*” — другая, иная или противоположная земля, страна, мир. Если противоположная, лежащая напротив, то чего — Скатиnavии или “полуострова Кимвров”? К югу или к востоку?

Ф.В.Шелов-Коведяев (1991: 30) уверенно относит это выражение “второй мир” к Скатиnavии. Х.Ловмяньский считал, что, поскольку “напротив” Скандинавии находится Польское Поморье, то здесь, или на территории Польши в целом, и размещается Энингия со всеми населяющими ее народами (Lowmianski 1963: 151-161). Новую трактовку предложил Д.А.Мачинский, консультировавшийся на предмет перевода латыни у М.Е.Сергеенко: если исходить из представлений древних о Коданус Синус, как большом далеко вдающемся в материк заливе, заполненном островами, а именно так представлял его предшественник Плиния Помпоний Мела (Lowmianski 1963: 144), да и просто из абриса Балтики это вытекает, то землей, противоположной полуострову Кимвров, окажется полуостров Курземе, где течет река Вента, стоит город Вентспилс и вплоть до XIII века жило племя вентиев (Мачинский 1976). Тогда и размещение в направлении с

юго-востока к северо-западу вплоть до Вислы гирров, скиров и венедов, начиная от сарматов, достигавших ко времени Плиния Среднего Поднепровья и линии Бердичев-Тернополь, могло бы найти свое объяснение (Щукин 1994: 239-244), что, впрочем, не снимает туманности изложения Плиния. Но такой вариант, совпадая в какой-то мере с предложенной выше трактовкой известий Тацита, выглядит наиболее реалистичным.

Еще более туманен, запутан и труден для понимания труд Клавдия Птолемея “Географическое руководство”, созданный великим географом и астрономом где-то между 127-167 гг. н.э. В отличие от своих предшественников, писавших о венетах, Птолемей — типичный кабинетный ученый-эрудит, всю жизнь проработавший в Александрии и практически никогда ее не покидавший. Кроме сравнительно немногочисленных трудов предшественников, начиная с эллинистического времени — Эратосфена, Гиппарха и других, затем Посидония, Страбона, Плиния и Тацита, и, наконец, обобщившего в основном данные 107-114 гг. Марина Тирского, который был, вероятно, основным источником, — Птолемей использовал разнообразные и разновременные периплы, итинерарии и тому подобные документы, смешав все вместе без хронологических различий.

В результате возникла масса несоответствий и просто путаницы. Один неправильно понятый герундивный оборот Тацита превращен в название римского лагеря, один из городов Италии перенесен в Далмацию и т. д. (Шелов-Коведяев 1991: 47). С точки зрения астрономии и математики труды Птолемея тоже оказываются небезупречными, его даже обвиняют в фальсификации и плагиате (Ньютон 1985). Но, так или иначе, он был первым, кто свел воедино все имевшиеся на его время данные и положил их на сетку координат, заложив и основы современной картографии, геодезии, географии. Естественно, в его распоряжении было еще слишком мало точных астрономических измерений, определения расстояний в стадиях тоже были весьма приблизительны, искажения были неизбежны. Но общие очертания все же смутно улавливаются, вряд ли стоит недооценивать его вклад.

Искажения вносили и многочисленные переписчики, плохо понимавшие математизированный язык ученого. Практически все дошедшие до нас списки — не ранее XI в. Остается также неясным, восходят ли к оригиналу Птолемея карты, приложенные к “Руководству”, или они были сделаны позже в соответствии с его текстом. Между картами и текстом имеются, впрочем, и расхождения.

Тем не менее свидетельства имеют место, и просто отмахнуться от них нельзя. Для нас наибольший интерес представляет IX карта и комментарии к ней в III главе “Географии”. Это карта Европейской Сарматии, под которой понимается вся Восточная Европа между Вислой и Доном вплоть до Балтики (рис. 5). Ее населяет ряд “*великих народов*”, среди которых первыми названы венеды, располагающиеся “*вдоль всего Венедского залива*” Сарматского океана (Ptol. Geogr. III.5.7). Кстати, вместо “залива” возможен перевод “*долины*”, но этот вариант переводчиками-специалистами не рассматривался, и я не берусь на нем настаивать. Так или иначе, венеды опять оказываются к востоку от Вислы, а надпись, их обозначающая, на карте сильно растянута и даже выходит далее к северо-востоку за пределы надписи, обозначающей Венедский залив, достигая устья реки Хесина. Между Вислой и Хесином имеются еще три больших реки — Хрон и Рудон, впадающие в Венедский залив, а также Турунта, втекающая, как и Хесин, в Сарматский океан.

Отождествление этих рек с современными достаточно сложно и спорно, и только с Хроном все более или менее ясно, Неман так обозначался еще на картах XVI века (Булкин 1993).

Расстояние между устьями Вислы и Турунты довольно велико, и Венедский залив никак не сопоставим ни с Вислянским, ни с Куршским заливами, с которыми их обычно сравнивают комментаторы. Оба слишком малы и незначительны, чтобы их можно было заметить из Александрии. Картографы явно оперировали более крупными массами, и сам Птолемей писал, что будет заботиться лишь о верности общих очертаний, детали — дело

хорографов (Ptol. Geogr. I, 1-4).

Если же приглядеться к современному абрису Балтики, нетрудно заметить, что море между северной оконечностью Курземе и Сопотом образует дугу, и это вполне может восприниматься, как “огромный” Венедский залив.

В качестве других “великих народов” Европейской Сарматии названы певкины и бастарны “над”, или “за Дакией”, или “по другую сторону” от нее (переводы равнозначны), а “вдоль Меотиды” — языги и роксоланы, еще же “далее вглубь” — амаксобии и аланы-скифы (Ptol. Geogr. III.5.7).

Затем Птолемей перечисляет “малые” народы, располагая их в несколько колонок, соответствующих, по всей вероятности, каким-то водным или сухопутным торговым путям. Большая часть названий не встречается у других авторов, и их реальность поэтому может быть поставлена под сомнение. В колонке вдоль правого берега Вислы названо 12 племен. Ниже венедов располагаются гитоны (на карте готы), рядом с ними финны, затем ниже сулоны, фругудионы, аварины у истоков Вислы (проистекающей с Венедских гор — Ptol. Geogr. I. 11.2.; III, 5.5), еще южнее омброны, анартофракты, бургионы, арсиэты, собоки, пиенгиты и биессы возле горы Карпата (Ptol. Geogr. III, 5,8).

Следующая колонка начинается на правом берегу Хрона и раздваивается. Ниже венедов следуют галинды, игуллионы, костобоки и трансмонты у Певкинских гор. А от судинов, располагающихся к востоку от галиндов на той же широте, к юго-востоку помещаются ставаны “вплоть до аланов” (Ptol. Geogr. III. 5,9). Причем на карте ставаны оказываются к востоку от истоков и верхнего течения Борисфена (Бережины-Днепра).

Мы не будем сейчас рассматривать всю географическую номенклатуру Европейской Сарматии, это тема специальной работы. Для нас в данный момент важно лишь расположение венедов и ставанов, поскольку в последних большинство комментаторов видят славян, впервые выступающих на страницах письменных источников под своим собственным именем (Мачинский 1976), хотя в данном случае и без привязки к конкретным историческим событиям. Название, действительно, созвучное, хотя только этого еще недостаточно.

У археологов, пытающихся сопоставить эти данные с археологическими культурами, есть два варианта. Либо приписать галиндам и судинам так называемую богачевскую культуру западных балтов в Мазурии, тогда ставанам достанется культура штрихованой керамики в восточной Литве и Белоруссии (Булкин 1993), либо только богачевцев считать галиндами, и тогда штрихованая керамика будет судинской, а ставанами, в этом случае, могли бы быть носители культуры разрозненных постзарубинецких групп пограничья лесной и лесостепной зоны (Nowakowski 1995). Обе гипотезы приблизительно равны по степени своей доказательности или недоказательности. Можно было бы предложить и еще другие версии, например, судинами могут оказаться представители группы Сергеньяй-Варшвайя на Немане, но и любой вариант не будет безупречным.

Наконец, напомним еще один источник, где упомянуты венеды. Это так называемая “Певтингерова карта” (Подосинов 1991: 63-80), длинная лента пергамента в 6,75 м при ширине всего около 34 см, где изображен весь мир, известный в период поздней Римской империи, от Атлантики до Индии и Цейлона, своего рода дорожник и путеводитель для желающего совершить путешествие с запада на восток. Указаны основные пути, города и народы, которые могли встретиться.

Дошла до нас карта в копии XII-XIII вв., хотя архетип ее восходит еще к карте Агриппы I в. до н.э., к итинерариям времени Септимия Севера и Каракаллы (193-217 гг. н.э.) и Феодосия II (408-450 гг.). Различить эти напластования в сохранившейся версии почти невозможно, хотя особенно интересующие нас фрагменты Прикарпатья и Северного Причерноморья отражают ситуацию вряд ли позже середины III в. Здесь не упомянуты готы, представлявшие уже довольно заметную силу в этом регионе к 238 году (рис. 6).

Специфическая форма карты (свиток) заставляла создателей пойти на сознательное

искажение и спрессовать до неузнаваемости все юго-северные измерения. Поэтому отождествление каких-либо объектов (городов, рек, гор, народов) с реальностью весьма затруднено.

Венеды на Певтингеровой карте указаны дважды. Первый раз где-то между устьями Дуная, Агалингуса (Днестра) и территорией расселения неких питов, гетов и даков, начинающейся от местоположения Поролиссума, самой северной стоянки римских легионов в завоеванной при Траяне провинции Дакия.

Второй раз, под термином венеды-сарматы, они помещены где-то между Океаном и “Бастарнскими Альпами” (Карпатами), где указаны в качестве обитателей “бластарны” и даки “petorogiani”. Последний термин весьма многозначен, быть может, нужно избрать — “беглецы”, бежавшие в горы при римской экспансии. (Не исключено, что именно они представлены липицкой культурой или группой в Прикарпатье — М.Щ.). Рядом с венедями-сарматами и к западу от них указаны *Lupiones-Sarmatae*, возможно, следует читать *Lugiones-Sarmatae*, которые расположены выше Сарматигетузы, столицы дакийских царей Бурбисты и Децебала. Еще далее на запад упомянуты между Дунаем и Океаном амаксобии-сарматы, противолежащие провинции Нижняя Мезия. Речь может идти лишь о сарматах Большой Венгерской Низменности. Все прочие названные территории и народы должны были бы находиться восточнее или северо-восточнее.

Таким образом, непосредственные свидетельства письменных источников о венедах весьма скупы и противоречивы. Венеды оказываются то обитателями Прибалтики, то Нижнего Подунавья, то они “бродят” где-то между этими землями. Ясно лишь одно: локализация венетов-венедов где-либо в междуречье Одера-Вислы по данным письменных источников не имеет под собой реальной почвы.

Положение осложняется еще и тем, что в Европе существовало еще несколько народов, носящих это же имя. Прежде всего это венеты на Адриатическом побережье и в долине реки По. Они были союзниками римлян в борьбе против галлов в IV в. до н.э. и против Ганнибала в Пунических войнах. С 49 г. до н.э. они — граждане Рима. При Августе здесь образована провинция “Венетия и Истрия” со столицей в Аквилее, выведенной сюда еще в 181 г. до н.э. римской колонии. В Аквилее начинался знаменитый янтарный путь в Прибалтику. Провинция Венето и город Венеция в Италии существуют и до сих пор. От начального периода истории этого народа сохранился ряд надписей и, судя по ним, венеты говорили на своеобразном языке — нечто среднее между италийскими, кельтскими и иллирийскими (Красновская.1971: 29-34, 46-52; Шелов-Коведяев 1991: 34-35).

С кельтским племенем венетов пришлось столкнуться Юлию Цезарю при завоевании Галлии, они обитали где-то на северо-западном побережье и, в отличие от прочих галлов, были мореходами, знали парус (Caes. Bell.Gal. III, 8-16). Часть их в середине I в. до н.э. переселилась, кажется, в Британию (Wheeler 1939).

А топонимы с корнем *вент*, *венд*, *венн*, *винд* и т. п. вообще распространены по Европе достаточно широко, и это, как полагают некоторые, могло бы свидетельствовать, что все венеты суть остатки какого-то (чаще думают — иллирийского) древнеевропейского населения, некогда обитавшего на широких пространствах Европы (Okulicz 1984). Версия вероятная, но каких-либо исторических или археологических подтверждений ей пока не находится.

Я ничего не могу сказать о родстве или связях венетов адриатических и армориканских, комплексные исследования на этот счет мне неизвестны, но вот концентрация данных о венетах в Прибалтике и на Адриатике, на двух оконечностях янтарного пути, может оказаться и не случайной. К. Ламберг-Кроловский (Lamberg-Krolovski 1971) предположил в этой связи возможность переноса по янтарному пути самого названия. Торговцы янтарем были венетами с Адриатики, а их имя перешло затем и на местное население. Случаи такие в истории известны. Он полагал, что произойти это могло в IX-VI вв. до н.э.,

когда янтарная торговля действительно уже существовала (Боузек 1994). У нас, правда, нет никаких данных о существовании венетов в Прибалтике в столь раннее время. Поэтому я склоняюсь к мысли, что подобный перенос, скорее, мог состояться позже, когда янтарный путь был возобновлен специальными дипломатическими усилиями Нерона (Kolendo 1981; Щукин 1994: 224-227; Щукин. В печати).

Это может быть подкреплено и некоторыми археологическими аргументами. С середины I в. н.э. начинается “золотой век” Прибалтики, наблюдается определенный расцвет культуры (Okulicz 1973: 379). Причем отмечено любопытное явление: если в остальную Северную Европу начали поступать римские импортные бронзовые и стеклянные сосуды, зачастую составляющие сервизы винопития, вероятно, дары римской администрации местным вождям, то в Прибалтике (в Мазурии, на Самбийском полуострове и в Литве) картина импортов несколько иная: бронзовых и стеклянных сосудов почти нет, зато присутствуют, например, скопление находок римских бронзовых статуэток и колокольчиков (вещей сакральных), найден кинжал-кортик, часть униформы римского офицера (Nowakowski 1996: 65-70; Nowakowski 1986), концентрируются находки так называемых крыльчатых фибул Альмгрен 238, украшений поясов, портупей, ножен мечей и цепей-поводий узды в ажурном стиле *opus interrasile*, свойственных изделиям Норика и Пан-нонии (Щукин, в печати), находившихся на янтарном пути и соседних с провинцией Венетия и Истрия.

Поскольку большая часть названных изделий представляет собой не столько импорты в собственном смысле этого слова, а скорее их местные дериваты, изготовленные, однако, по “высоким технологиям” и с соблюдением провинциально-римского стиля, возникает ощущение, что часть их могли производить на месте мастера, пришедшие из римских провинций.

В этой связи становятся небезынтересными и некоторые другие свидетельства: около Карнунтума, перевалочного пункта на янтарном пути в Среднем Подунавье, найдена могильная плита некоего италика Квинта Атилия Прима, центуриона XV легиона, выполнявшего функции переводчика, а при выходе в отставку ставшего негодником (Kolnik 1977). Возможно, этот италик был одним из организаторов торговли янтарем и контактов с Прибалтикой.

Кроме того, определенный интерес начинает представлять легендарная часть “Литовских Хроник”, где сообщается о некоем Полямонисе, бежавшем в Прибалтику вместе со своим семейством и 500 всадниками от преследований Нерона. Сыновья инсургента якобы и были создателями Литовского государства. Становление литовской государственности в действительности происходит позже, возможно, во времена Карла Великого (Ушинкас 1988), но и легенда о Полямонисе вполне могла соответствовать неким политическим реалиям: преследования Нероном разных оппозиционных групп, политических, идеологических и религиозных, включая ранних христиан, явно имели место и достаточно хорошо известны.

Если же проникновение неких групп воинов-торговцев-ремесленников, называемых венетами, своего рода “викингов до викингов”, было реальностью, то это объясняет и многие процессы, происходившие не только в Прибалтике, но и в Восточной Европе, в частности, распространение в последней так называемых “глазчатых” фибул, типологически восходящих к верхнедунайским прототипам рубежа нашей эры, а позднее, в виде “прусской серии”, концентрирующихся в Прибалтике и проникающих в лесную и лесо-степную зоны Восточной Европы (Амброз 1966; Јатка 1964; Щукин 1994: рис.90). Кто-то должен был их разносить, как и изделия с красной (кельтской в своей основе) эмалью, тоже широко представленные в лесной зоне. Как бы ни определялись центры производства украшений с эмалью: Прибалтика или Среднее Поднепровье (Корзухина 1978; Моора 1934; Гороховский 1983; Слонов 1989), — происхождение хотя бы части их от вещей стиля *opus interrasile* не вызывает особых сомнений (Щукин, в печати).

Таким образом, могут быть объяснены и свидетельства Тацита о “бродящих ради грабежа” венетах, и данные Птолемея о венетах на берегу Балтики, и “Певтингеровых таблиц” о тех же венетах в низовьях Дуная. Термин сугубо социальный постепенно становится этническим, что можно, например, наблюдать в истории с термином “Русь” и рядом других.

После сказанного выше можно вернуться и к археологическому аспекту интересующей нас проблемы.

Перспективы третьего пути

Как уже говорилось ранее, все попытки археологов выстроить ретроспективные цепочки культур и выявить таким образом предков реальных раннеисторических славян VI-VII вв., не принесли удовлетворяющего решения. Барьер различия структур славянских культур VI-VII вв. и их предшественниц римского времени, пшеворской и черняховской, не был преодолен ни на западном польском, ни на восточном украинском путях, ни компромиссными построениями, пытающимися объединить оба направления.

Более перспективными были предложения П.Н.Третьякова, но и он не смог избежать установившегося стереотипа представлений о славянстве зарубинецкой культуры, хотя западные истоки ее, кельто-германские или какие-то еще из народов “между”, бастарнов, были ясны уже и тогда.

Решительный шаг был сделан Иоахимом Вернером, мюнхенским профессором (Werner 1971; Вернер 1972). Со стороны иногда бывает виднее. Он подметил, что по своему облику и по своей структуре (сам он этим термином еще не пользовался) раннеславянские культуры ближе всего к более ранним культурам лесной зоны Восточной Европы, к Днепро-Двинской и тушемлинской на Смоленщине, к культуре штрихованой керамики Белоруссии и восточной Литвы (рис. 2). Здесь тоже исключительно грубая лепная керамика и почти исключительно банковидные слабопрофилированные горшки. Также редки находки металлических изделий на поселениях. В быту жители лесной зоны, как и славяне, были явно непритязательны, а это означает, добавим, и сходство специфики менталитета тех и других, отличного от всех окружающих народов.

Даже поверхностное знакомство с культурами лесной зоны “Европейской Сарматии”, находящейся за полосой “взаимного страха”, действительно производит впечатление попадания в “другой мир”, где-то более патриархальный, если не застойный, не стремящийся к внешней эффектности и комфортности. Многочисленные городища, каждый поселок сам по себе; очень простая, если не примитивная, посуда. Редкость находок из металла, отсутствие могильников (очевидно, применялись обряды, не оставляющие следов для археологов) не дают возможности проследить динамику развития культуры и устанавливать какую-то, даже приблизительную, хронологию.

Это не означает, что уровень культурного и духовного развития населения лесной зоны был ниже или примитивнее, чем у окружающих народов Центральной Европы или Евразийских степей, с культурами внешне более яркими и динамичными. Быть может, как раз наоборот: и “в области балета” они были “впереди планеты всей”, а их удивительная деревянная резьба или кожаные изделия, кружева и вышивки по льну до нас просто-напросто не дошли. Ведь и знаменитые курганы Пазырыка, не сохрани для нас вечная мерзлота органику, выглядели бы весьма бедными.

Ясно лишь одно — это иной культурный мир, со своими представлениями и ценностями, и образ “леса”, столь ярко описанный братьями Стругацкими в их “Улитке на склоне”, удивительно точно совпадает с впечатлениями, возникающими от знакомства с культурами лесной зоны.

И культуры славян, появляющихся на исторической арене в VI веке, выглядят весьма чуждыми среди культур центральноевропейских и, действительно, напоминают “лесной мир”. Это И.Вернер почувствовал достаточно тонко.

Идея И.Вернера во многом совпадала с выводами Д.А.Мачинского, сделанными на основе

письменных источников, развивалась в ряде работ (Щукин 1975; Щукин 1987; Лебедев 1989; Лесман 1989; Щукин 1989; Щукин 1994).

Д.А.Мачинский и И.Вернер достаточно хорошо понимали, что они могут указать лишь перспективность выбранного ими направления, конкретику самого пути еще предстояло нащупать в туманностях сведений исторических и археологических источников. При наличии определенного структурного сходства, непосредственно из Днепро-Двинской, тушемлинской или культуры штрихованой керамики еще не выведешь самих раннеславянских культур, есть определенные различия и форм керамики, и характера памятников. Оба исследователя уповали на зоны пустоты и археологической трудноуловимости, где памятники переходные могли быть еще выявлены (рис. 7).

Эта зона пустоты охватывала междуречье Западного Буга — Немана и Березины, а с середины I в. н.э., когда запустело и покинутое носителями полесской группы зарубинецкой культуры Припятское Полесье, “белое пятно” стало весьма заметным и обширным (Мачинский 1976; Щукин 1975; Мачинский, Тиханова 1976). И.Вернер даже предполагал наличие здесь особой “деревянной” культуры, не оставившей ощутимых археологических следов (Werner 1981). Пустым Полесье оставалось вплоть до появления корчакских памятников в VI веке.

Нужно сказать, что и на направлении, предложенном И.Вернером и Д.А.Мачинским, мы тоже сталкиваемся с противоречиями. Названные культуры находятся в зоне распространения балтской топонимики, обстоятельно изученной для Верхнего Поднепровья В.И.Топоровым и О.Н.Трубачевым (1962). Эти культуры традиционно приписывались балтам.

Преодолеть эти “чары балтийства” и призывал советских археологов И.Вернер, заметив в одной из последующих работ (Werner 1981), что облик исторических летто-литовцев, предки которых представлены, в частности, культурой восточно-литовских курганов, заметно отличался от своих восточных соседей в Белоруссии, на Псковщине и на Смоленщине обилием бронзовых украшений, оружием в погребениях и прочим. Они, будучи по языку восточными балтами, по культуре ближе западным балтам, обитателям Мазурии, Самбийского полуострова и западного побережья Литвы. Процесс постепенного их продвижения на восток и вытеснения носителей культуры штрихованой керамики прослеживается и литовскими археологами (Ушинскас 1988; Ушинскас 1989; Michelbertas 1986).

Если все это так, то носители культуры штрихованой керамики, Днепро-Двинской и тушемлинской культур суть какие-то иные балты, отличающиеся по своим психологическим установкам и, соответственно, по структуре культуры, от своих более западных сородичей. Поэтому и возникает, вероятно, тенденция называть их не столько восточными, сколько Приднепровскими балтами, особой группой.

А не могла ли эта группа быть не столько балтской, сколько балто-славянской? По отношению к топонимам Верхнего Поднепровья такую трактовку уже предлагал Г.Бирнбаум (Birnbauм 1973). Если балто-славянский континуум, как полагают некоторые лингвисты, действительно имел место, то это позволяет достаточно легко преодолеть тот балтский барьер, о который спотыкался И.Вернер.

Требуется, однако, конкретизация протекавших исторических и этнических процессов и их археологического отражения, историко-археологическая их реконструкция по всей Восточной и Центральной Европе, доступная на современном уровне знаний. Иначе и этнический аспект вряд ли может быть понят.

Попытки синтеза. Конспект концепции

Итак, для VI-VII вв. мы имеем три археологических культуры: пражско-корчакскую, простирающуюся, судя по названию, от Праги до Житомира, а по сути и вплоть до Киевщины, обычно ее связывают со склавинами; пеньковскую в междуречье Днестра и Днепра и поэтому сопоставляемую с антами, расселявшимися, по Иордану, “от

Данастра до Данапра”, хотя в действительности памятники этой культуры заходят и в Пруто-Днестровское междуречье, и достаточно глубоко в Днепроовское Левобережье, где пересекаются с памятниками колочинской культуры, сосредоточенными в северо-восточных областях Украины и в пограничных областях России и Белоруссии и имеющих весьма расплывчатую границу с более северными древностями типа Тушемли-Банцеровщины, распространенными через всю Белоруссию и Смоленщину вплоть до Псковской области (рис. 1).

Все три культуры тождественны друг другу по структуре, а различия наблюдаются лишь в преобладании некоторых форм горшков: оплывнобоких (своего рода “матрешка без головы”) в пражско-корчакской, биконических в пеньковской и цилиндрико-конических в колочинской. В последней имеются и некоторые особенности домостроительства: вместо квадратных полуземлянок с печью-каменкой в углу, свойственных пражско-корчакской и пеньковской культурам, в колочинской шире представлены полуземлянки, отапливавшиеся открытыми очагами и иногда имеющими центральный столб, что подразумевает особый “шатрообразный” облик такого жилища. В остальном все три культуры сходны.

Было бы соблазнительно связать древности Колочина-Банцеровщины с венетами времен Иордана, с третьей группировкой славянских племен, имеющей наиболее глубокие балто-славянские корни, хотя упомянутые раннеславянские памятники верховьев Вислы, вдающиеся узким языком на территорию Польши (Parczewski 1993), ближе по формам керамики к пражско-корчакским, чем к собственно колочинским.

Попытку же приписать Иордановским венетам суковско-дзядзицкую группу памятников северо-западной Польши и северо-восточной Германии вряд ли следует признать удачной. В силу того, что нет особых оснований датировать ее ранее рубежа VI-VII вв., то есть она позже времени написания “Гетики” Иорданом (Parczewski 1993: 126-129).

Что касается раннеславянских памятников территории Румынии, типа Ипотешть-Кындешть-Чурел, которые, казалось бы, могли быть эталонными, поскольку именно с этих территорий к северу от Дуная должны были совершать свои набеги на Империю склавины и анты, то их, при наличии структурного сходства и отдельных форм горшков, трудно причислить к той или иной из раннеславянских культур, что не снимает, однако, возможности славянской атрибуции этих памятников Румынии. Дело в том, что на этих территориях достаточно устойчивыми оказались традиции позднеимперского-ранневизантийского времени, в частности, продолжалось, хотя и в сильно сокращенных масштабах, производство кружальной кухонной посуды. Формы ее зачастую воспроизводились и в сосудах, сделанных от руки. Этническая специфика форм горшков здесь оказалась в результате утраченной (Шувалов 1989: 117-128).

Сказанное, кстати, в какой-то мере относится и к территориям, примыкающим к Карпатам с северо-востока. Возможно, именно этот феномен позволяет В.Д.Барану проследить перерастание черняховской группы Рипнев-Черепин в пражскую культуру, а румынским археологам видеть в памятниках типа Ипотешть-Кындешть-Чурел и Костиша-Ботошана не славянское, а местное гето-дакийское население.

У исследователей, специально занимающихся изучением славянских древностей Днепроовского Левобережья, нет особых сомнений, что и колочинская, и пеньковская культуры сложились на базе разных групп предшествующей киевской культуры, хотя и с определенной “перетасовкой” населения в момент трансформации (Горюнов 1981; Терпиловский 1984; Терпиловский, Абашина 1992; Обломский 1991; Обломский, Терпиловский 1991; Терпиловский 1994; Обломский 1996). Сходство памятников столь велико, что возникают споры терминологического порядка: относить ли, скажем, поселение Ульяновка к киевской культуре или уже к колочинской, а поселение Роище — к киевской или пеньковской (Терпиловский 1984: 75-83; Горюнов 1981: 22,42,43; Приходнюк 1988). О.М.Приходнюк даже предлагал вообще отказаться от термина

“киевская культура” и ранние памятники тоже считать пеньковскими.

Собственно киевская культура охватывает Среднее Поднепровье по обоим берегам его вплоть до устья Березины, Среднее и Нижнее Подесенье, весь бассейн Сейма, на юге простирается вплоть до устья Роси и среднего течения Псла и Сулы (Терпиловский, Абашина 1992; Терпиловский 1994: 75), а на востоке достигает Курска, верховьев Северского Донца и даже Дона.

Значительная часть этой же территории в то же самое время (III-IV вв.) занята и памятниками черняховской культуры, охватывающей более широкий ареал приблизительно от Клуза в Румынии до Курска, а на Правобережье Днепра от линии Луцк-Киев вплоть до побережья Черного моря.

В зоне пересечения этих культур на Левобережье наблюдается, однако, весьма любопытное явление: они сосуществуют, имеют некоторые контакты, на киевских памятниках есть иногда примесь черняховской гончарной керамики, а на черняховских — лепной киевской, но слияния не происходит, поскольку каждая из культур занимает свою экологическую нишу. Черняховские тяготеют к черноземам, а большинство киевских располагается на песчаных дюнах в поймах рек. Я имел возможность наблюдать это явление в совместных разведках с Е.А.Горюновым в бассейне Псла. Иногда поселения расположены практически по соседству, но топография различна. Способы ведения сельского хозяйства и использования угодий у носителей этих культур были различны, и они могли сосуществовать, не очень мешая друг другу.

Есть, впрочем, и исключения, отношения носителей двух культур не всегда складывались однозначно. Например, на поселении Глеваха под Киевом слой киевской культуры перекрыт черняховско-вельбаркским, первые, вероятно, были вытеснены вторыми. Наблюдается и общий процесс некоторого сдвига населения в северном направлении (Терпиловский 1989). Происходило все где-то в пределах III-IV века, для более точной датировки пока маловато данных. Не исключено, что это связано с описанными Иорданом действиями Германариха против венетов.

На поселении киевской культуры Александровка в Подесенье, наоборот, выявлен момент кооперации носителей двух культур. Жители поселка в массовом порядке нарезали из рогов лосей и оленей пластинки, которые служили заготовками-полуфабрикатами для изготовления знаменитых черняховских гребней. Нет, однако, ни одной пластинки, где бы были уже пропилены зубцы или просверлены отверстия для скрепляющих штифтов. Эти достаточно сложные по технологии операции, как и сборка гребней, осуществлялись, вероятно, уже черняховскими мастерами. Мастерские, где можно наблюдать весь процесс, в черняховской культуре известны (Терпиловский, Шекун 1996: 32).

Что касается северных соседей, то, при наличии определенных различий (городища, домостроительство), носители киевской культуры имеют с ними не только сходство структуры культуры, принадлежа к общему “лесному миру”, но и ряд общих элементов. Вот как, например, описывает Е.А.Шмидт один из типов керамики Днепро-Двинской культуры: *“Поверхность сосудов снаружи приглаживалась пальцами или специальной палочкой в вертикальном направлении от горла ко дну, поэтому на ней заметны полосы или вмятины”* (Шмидт 1961: 355). Но ведь это как раз тот признак, своеобразная “расчесанность”, что позволяет всегда отличать посуду киевской культуры от прочих. Да и формы горшков киевской и колочинской керамики, выделенные Е.А.Горюновым в виды IV, V и VIII, а О.М.Приходнюком в тип V для посуды пеньковской (Горюнов 1981: рис.3; Приходнюк 1980: рис.9), вполне сопоставимы с днепро-двинскими и тушемлинскими. Хотя, справедливости ради, стоит сказать, что в названных культурах есть и керамика, по отошающим примесям и способу обработки поверхности отличающаяся несколько от киевской — примесь дресвы или песка вместо шамота и пр.

Еще один элемент, объединяющий киевскую культуру с памятниками глубинки лесной зоны, — пряслица с большим отверстием, отсутствующие в черняховской культуре и в

древностях Центральной Европы. Можно было бы вспомнить здесь еще и железные булавки типа “пастушеского посоха”, и некоторые другие элементы. Думается, северное направление связей киевской культуры просто еще недостаточно изучено, никто пока не задавался целью сделать это целенаправленно. Больше уделялось внимания южным элементам на северных памятниках (Третьяков 1966; Митрофанов 1978; Фурасьев 1993).

О каких-то подвижках населения с юга на север в пределах лесной зоны свидетельствуют и недавно открытые памятники типа Заозерье в Белорусско-Псковском пограничье и в верховьях Ловати. Обнаружены полуземлянки, столь нехарактерные для таких северных районов, некоторое количество обломков чернолощенных мисок и штрихованная керамика, несколько отличающаяся от белорусской. Выясняется, что штриховка на эти сосуды наносилась, скорее всего, обломками черняховских костяных гребней (Лопатин, Фурасьев 1995).

Итак, с открытием киевской культуры археологи осуществили еще один важный шаг, спустившись по лесенке ретроспекции еще на одну хронологическую ступеньку. Причина сложения на ее основе двух культур тоже не кажется слишком странной: на базе памятников, входивших в зону киевско-черняховской чересполосицы, возникла пеньковская культура, отсюда и, оказавшееся в конечном итоге ложным (Гавритухин, Обломский 1996: 116-119), впечатление некоторых исследователей о ее черняховской подоснове, а колочинская культура развивалась севернее, в местах расселения носителей “чистой” киевской культуры. Впрочем, последние исследования заставляют специалистов больше склоняться к мысли, что и пеньковская культура складывается за счет продвижения к югу носителей верхнесейменского и деснянского вариантов киевской культуры и происходит это еще в рамках IV в. или конца этого столетия (Обломский 1996).

Но так объясняется лишь происхождение пеньковской и колочинской культур, а о славянской принадлежности последней, как известно, высказывались и сомнения. Процесс же сложения основной раннеславянской культуры Прага-Корчак остается все еще нераскрытым. В киевской культуре не часто встретишь формы сосудов, являющихся непосредственными прототипами “матрешковидного” горшка “пражского типа”.

Пшеворский вариант, как уже говорилось, вряд ли приемлем. Более перспективным представляется решение, предлагаемое В.Д.Бараном и его украинскими коллегами. Преемственность форм лепной керамики черняховских памятников Верхнего Поднепровья, от Львова до Каменец-Подольского, и пражско-корчакских действительно вроде бы присутствует, хотя прототипа ведущей “матрешковидной” формы нет и здесь. Именно в этом районе была, как кажется, изобретена печка-каменка еще в черняховское время, хотя уже отмечались некоторые сомнения стратиграфического порядка. Не исключено, тем не менее, что потомки населения этой группы Черепин-Рипнев могли принять участие в формировании пражско-корчакской культуры.

Но вряд ли из этого следует вывод о преемственности между черняховской и пражско-корчакской культурами в целом. Памятники типа Черепин-Рипнев составляют специфическую группу, и ее черняховскую принадлежность можно было бы даже оспаривать. Кроме того, эта группа занимает сравнительно небольшую территорию и, в отличие от киевской культуры, она не обеспечена тылами многочисленного лесного населения, родственного или почти родственного. А венеты, анты и склавины, по понятиям Иордана, сильны именно своей численностью. Даже при наличии некоего демографического взрыва во второй половине V — начале VI вв., эта группа вряд ли могла дать ту массу склавинов, которая нам видна в многочисленных памятниках культуры Прага-Корчак. Очевидно, в формировании последней принимали участие и другие группы населения, процесс был более сложным.

Поэтому я предлагал в свое время другую гипотезу. Протопражские памятники Полесья, юга Житомирской и севера Винницкой области, некий Правобережный вариант киевской

культуры просто-напросто еще не выявлен (Щукин 1988). Дело в том, что на Левобережье и в Подесенье уже много лет, целенаправленно занимаясь изучением раннеславянских памятников, работал и работает целый ряд экспедиций — П.Н.Третьякова, Е.А.Горюнова, В.М.Горюновой и О.А.Щегловой, Р.В.Терпиловского, А.М.Обломского и других. Накоплен значительный опыт обнаружения и раскопок памятников этого типа.

А дело это отнюдь не простое, как я мог убедиться в совместных работах с Е.А.Горюновым, нужно иметь и опыт, и знание топографии, и интуицию. Культурный слой поселений киевской культуры на удивление беден, керамика очень плохого качества и при распашке превращается в весьма невыразительные фрагменты. Я, воспитанный на поисках памятников черняховской культуры, большую часть обнаруженных пунктов просто миновал бы. Нужна постоянная и многократная шурфовка, чтобы такие памятники выявить, нужно удачно попасть на слой заполнения жилища, что не всегда удается, нужна интуиция, совместимая лишь с опытом.

Поэтому люди, занимающиеся этой тематикой на Правобережье, подобных памятников и не выявили. Возможно, они даже имеются, но П.И.Хавлюк из Винницы публикует свои находки очень скупо, а сотрудники Житомирского музея не публикуют вовсе. Картина остается неясной.

Гипотеза, тем не менее, возникла не случайно, на мысль наводил ряд находок и фактов. В первую очередь это находки на черняховском поселении Лепесовка в верховьях Горыни, довольно далеко от западной границы киевской культуры. Оказалось, что около 10% от имеющейся здесь лепной керамики составляет киевская, с типичными “расчесами” (Щукин 1989а). В том числе два целых сосуда выявлены при таких стратиграфических обстоятельствах, что не остается сомнений — они были в употреблении в момент пожара длинного черняховского дома. Причем, если один из горшков напоминает своей биконичностью пеньковскую керамику, то второй, безусловно, является одним из наиболее выразительных прототипов пражского типа (Щукин 1988). Именно он показан на заставке к этой статье.

Во-вторых, в зоне “белого пятна”, на реке Стыри под Пинском, обнаружено поселение с остатками трех полуземлянок, с керамикой “предпражского” облика, покрытой “киевскими расчесами”. Находка на этом поселении в урочище “Марфинец” фибулы позднеримского времени позволяет подозревать датировку не позже конца IV в. н.э. (Егорейченко 1991: 61-82; Щукин 1994: рис.102).

В-третьих, выявление на берегах озер Кагул и Ялпух, примыкающих к низовьям Дуная, а затем и в Среднем Поднестровье, и в Буджаке вплоть до Котлабуха, поселений типа Этулия (Щербакова 1981; 1982; 1983; Паламарчук 1982; Фокеев 1982; Щербакова, Кашуба 1990), по структуре близких киевской культуре (рис. 8), а в формах керамики перекликающихся иногда и с зубрецкой группой Волыни, и с посудой “позднескифских городищ” Низового Днепра, заставляет предполагать, что еще не все аналогичные группы открыты. Сходная керамика, кстати, обнаружена и на городище Рудь начала I в. н.э. на севере Молдавии. Быть может, была права Е.В.Махно, высказавшаяся однажды в частной беседе: “*Этих лепняков всюду много*”. Картина чересполосицы, наблюдаемая на Левобережье, на самом деле была, возможно, шире, и изучение подобных групп еще может принести свои нюансы в интересующий нас процесс, хотя вряд ли изменит основное его направление.

Памятники типа Этулии, между прочим, достаточно удачно сопоставляются с венетами, указанными в низовьях Дуная на “Певтингеровой карте” (Гудкова 1990).

События, которые могли бы вызвать трансформацию киевской культуры и прочих групп, перетасовку населения, вычислить не трудно, и они охватывают достаточно длительный период, в археологическом отношении не очень ясный. Началось все, вероятно, с гуннского нашествия где-то в интервале 369-376 гг., с разгрома гуннами Германариха и Атанариха, ухода части готов за Дунай и попытки оставшихся во главе с Винитарием

поднять восстание против завоевателей. Анты, по всей видимости часть венетов, в этой ситуации явно поддерживали гуннов. Затем последовало почти 80-летнее гуннское иго как над остатками остготов, так и, следует думать, над антами и венетами. Иго могло быть достаточно жестким, во всяком случае, население Причерноморья явно поредело. Перенесение ставки Атиллы в Паннонию, скорее всего в 437 году, вызвало, возможно, отток части подчиненных готов и венетов в западном направлении, поближе к резиденции их общего правителя. Последние, быть может, представлены поселениями типа Злехов в Моравии, лепная керамика откуда удивительно напоминает киевскую (Tejral 1989).

Потом последовали известные события — Каталаунское сражение, смерть Атиллы и битва народов при Недао в 454 году, после которой остатки наголову разбитых гуннов бегут в Причерноморье, а возможно, и далее на восток. Тогда же, вероятно, ушли на запад и последние остатки готов Причерноморья, опасаясь мести возвращающихся гуннов (Shchukin, Sharov, In print).

События каким-то образом затронули и население лесной зоны Восточной Европы: городище Демидовка (Шмидт 1970) в верховьях Днепра возникло в конце IV в. и основано, вероятно, выходцами из зоны киевской культуры, а погибает оно, как и ряд укреплений Прибалтики, в середине V в., когда гунны вернулись в Причерноморье. Ситуация после Недао опять создала шайки грабителей (Фурасьев 1996). Приблизительно в этом же интервале происходят такие процессы, как формирование культуры Восточно-Литовских курганов с их княжескими погребениями типа Таурапилса, длинных курганов Псковщины, трансформация среднетушемлинской культуры в поздне-тушемлинскую, конец мощинской культуры и пр.

Но ослабленные после Недао гунны вряд ли могли долго контролировать ситуацию в Восточной Европе, под их контролем, в конечном итоге, осталась лишь частично зона степей Причерноморья. Лесная и лесостепная зоны оказались предоставленными сами себе и тем процессам разложения родового патриархального общества, которые были подогреты названными событиями, хотя начались еще раньше. Как складывались взаимоотношения различных групп населения “Европейской Сарматии” в 60-летие между 454 и 512 гг., нам остается неясным, но результатом стало образование трех раннеславянских культур.

Названному периоду 376-512 гг. следовало бы посвятить специальное исследование, сводящее воедино все исторические и археологические данные, но в данный момент это в наши задачи не входит. Вопрос упирается в конечном итоге в хронологию: как отличить черняховские и киевские памятники времени Германариха-Атанариха от последующих и как надежно определить начальную дату наиболее раннего этапа раннеславянских культур? (Shchukin, Sharov, In print). Теоретически они должны где-то встретиться в пределах V в. и, возможно, даже перекрывать друг друга, но конкретная разработка еще ждет своего исследователя. Формирование колочинской, а быть может, и пеньковской культур могло начаться еще в IV веке (Обломский 1996), о размытости их хронологических границ уже говорилось.

Теперь зададимся вопросом: а как сложилась сама киевская культура, какие процессы этому способствовали? Исследования последних лет продемонстрировали с достаточной очевидностью, что произошло это при участии и при перетасовке различных групп постзарубинецкого населения, представителей так называемого горизонта Рахны-Почеп — Почепской группы на Десне и Судости, Лютежской в Среднем Поднепровье, Рахны в среднем течении Южного Буга, Картамышево-Терновка в верховьях Сейма, Псла, Донца и Оскола. При наличии определенной преемственности с собственно зарубинецкой культурой и даже нового проникновения некоторых западных элементов, вновь образовавшиеся группы представляют собой явления специфические, не сводящиеся только к зарубинецким традициям (Обломский, Терпиловский 1991; Обломский 1991). Присутствуют здесь и некоторые северные элементы, проявляющиеся, например, в

находках черепков штрихованой керамики (Щукин 1994: рис.99).

Особый же интерес представляет в этой связи группа Грини-Вовки (рис. 8), сравнительно редкие памятники которой разбросаны по широкой полосе от устья Березины (Абидня) до среднего течения Псла (Вовки), отмечены в устье Припяти (Грини), в Среднем Подесенье (Змеевка, Мена 5) и в устье Трубежа в Среднем Поднепровье (Решетки). Эта полоса как бы разрезает на две части ареал остальных памятников горизонта Рахны-Почеп (рис. 9).

Керамика этой группы зачастую покрыта расчесами или штриховкой, и А.М.Обломский подметил сходство памятников типа Грини-Вовки с еще одной недавно открытой и пока слабо исследованной группой — Кистени-Чечерск в междуречье Березины и Сожа. Ее иногда считают одним из вариантов зарубинецкой культуры, но скорее это какое-то специфическое явление пограничной полосы между культурой штрихованой керамики и Верхнеднепровским вариантом зарубинецкой. Во всяком случае, обитатели поселений типа Грини-Вовки, составившие затем и существенную часть носителей киевской культуры, были выходцами с севера, из южной части лесной зоны.

Сложнее определить время, когда происходило это движение с севера, слишком бедны датирующие материалы. В Гринях найден фрагмент краснолаковой чашечки конца I — II вв., а в Вовках — обломок фибулы Альмгрен 84, конца II — начала III в. (Горюнов 1981: рис.13,3). Других данных нет.

И еще один фактор мог оказать определенное побочное влияние на формирование киевской культуры, заставив представителей рассеянных групп теснее сплотиться и выработать поэтому больше общих форм. Это те же события и процессы начала III в., что привели к сложению в более юго-западных районах черняховской культуры, а именно, переселение готов из Польского Поморья-Готискандзы в страну Ойум, бывшую Скифию.

Если у Иордана это переселение описано в форме легендарной (Iord. Get. 25-29), то археология позволяет отследить процесс достаточно отчетливо. В I в. н.э. в Польском Поморье прежняя оксывская культура сменяется новой, называемой теперь вельбаркской и имеющей, безусловно, связи со Скандинавией. Сопоставление ее, хотя бы частично, с готонами Тацита выглядит вполне реалистично (Щукин 1994: 190-201, 244-278, там дальнейшая литература). На стадии общеевропейской хронологии В-2/С-1, то есть где-то во второй половине II — начале III в., значительная часть Поморья запустевает, зато вельбаркские памятники появляются в Мазовии и Подлясье, а также и далее к юго-востоку, на Волини (Wolagiewicz 1981). Они достигают Молдовы и среднего течения Южного Буга (Ionita 1979; Хавлюк 1988). Самые южные и самые восточные — еще дальше: захоронение около Мангалии в Добрудже (Iscopu 1968: fig.36, p.251) и погребение в Пересыпках на Сейме около Путивля (Кухаренко 1970). Так что на территорию, где шел процесс формирования киевской культуры, вельбаркцы тоже проникали. Достаточно ясно, что переселение носителей вельбаркской культуры в юго-восточном направлении осуществлялось не одноразово, а несколькими волнами (Szczukin 1981).

Специфические формы вельбаркской лепной керамики (миски, кружки, вазы) достаточно хорошо представлены и в образовавшейся на обширных пространствах к 30-60-м годам III века черняховской культуре, хотя свести весь процесс ее формирования лишь к переработке вельбаркского наследия тоже не было бы верным: процесс был и более широким, и более сложным. Наряду с вельбаркцами проникали в Поднепровье и в верховья Южного Буга и носители пшеворской культуры, есть характерные трупосожжения с оружием (Smiszko 1932; Dabrowska, Godlowski 1970). Имеются основания думать, что существовали прямые контакты и с обитателями Дании (Werner 1988), и с жителями Поэльбья (Щукин 1989: рис.16, 1-5). Откуда-то из районов Средне- или Верхнедунайского лимеса вышли мастера, обучавшие черняховцев производству гончарной керамики (Льгов 1995; Зильманович 1995).

Приблизительно такую же картину дают и данные письменных источников, наряду с

готами в Подунавье и в Причерноморье начинают действовать и другие германцы — гепиды, тайфалы, герулы, уругунды-бургунды, бораны и пр. Активны и не-германцы карпы.

Черняховская культура, очевидно, была неким конгломератом племен и народов, объединенных под властью готских королей, то грабивших Империю, то служивших ей в качестве федератов за приличную плату. Черняховцы жили в результате достаточно богато, и для римлян все они были, вне зависимости от происхождения и крови, готами, жителями Готии.

Один из самых спорных вопросов: сколько было в черняховской культуре германцев, готов и прочих? Сам факт их присутствия сомнений не вызывает — имеются рунические надписи, лепная вельбаркская керамика и прочее. Измерить это действительно трудно. Критерием здесь может служить, пожалуй, лишь один показатель — наличие больших наземных домов глинобитной конструкции, зачастую совмещающих под одной крышей жилое помещение с хлевом или мастерской. Устойчивая традиция возведения таких построек, хотя строительные приемы их несколько варьируют, имеется только в Скандинавии, включая Данию, и на побережье Северного моря. В континентальной Германии, как и во всей Центральной Европе, господствовали небольшие полуземлянки не очень регулярных очертаний с очагами в центре или в углу (Germanen 1976). Аналогичные есть и в черняховской культуре, и в киевской, и в пшеворской, и в зарубинецкой. Они вряд ли могут, в отличие от длинных наземных домов, служить этноопределяющим признаком. А каждый из занимающихся черняховской культурой знает, что остатки наземных домов имеются практически почти на каждом черняховском поселении, почти по всему ее ареалу. Получается, что выходцев с северо-запада и их потомков было не так уж мало.

И еще одно замечание: различны направления культурных связей черняховцев и носителей киевской культуры и ее предшественников. Первая явно тяготеет к Империи, к Подунайскому лимесу и к Скандинавии, что маркируется распространением амфор, стеклянных кубков, общими формами фибул, пряжек и прочим, а вторые, вместе с культурами лесной зоны и странами Балтии, образуют иной блок взаимных культурных связей, характеризующийся прежде всего распространением вещей, зачастую ажурных, украшенных красной выемчатой эмалью (Корзухина 1978).

Нет сомнений, что какое-то количество остатков черняховского населения затем могло принять участие и в формировании раннеславянских культур, но вряд ли это был магистральный путь славянского этногенеза. Киевская культура, особенно если оправдаются надежды на ее гипотетический правобережный вариант, представляется более перспективной во всех отношениях.

Истоки ее мы как будто тоже прояснили. Остается выяснить: откуда взялись памятники горизонта Рахны-Почеп, какие процессы предшествовали их появлению?

Поскольку процессы эти реконструировались и описывались уже неоднократно в разных контекстах (Щукин 1994; Shchukin 1989; Щукин 1987; Shchukin 1986-1990), мне остается быть кратким.

Ключевым здесь был круговорот взаимосвязанных и взаимообусловленных событий середины — второй половины I в. н.э., охвативших всю Восточную и Центральную Европу от Северного Кавказа и Подонья до Среднего Подунавья и Прибалтики, включая и лесную зону Восточной Европы. А одним из звеньев, самых важных для нас, в этой цепи событий был кризис зарубинецкой культуры Поднепровья и Полесья, ее неожиданный “взрыв”.

Было замечено, что около середины I в. н.э., где-то в интервале 40-70 гг., прекращаются захоронения на всех крупнейших могильниках этой культуры — Зарубинецком, Корчеватовском, Велемичи I и II, Отвержичи, Могиляны, Чаплин и пр. (Каспарова 1976; Щукин 1972). Полесье полностью запустевает, а в Среднем Поднепровье сохранившееся

население меняет места обитания, спустившись с открытых холмов в болотистые и заросшие кустарниками поймы, труднодоступные для конников. Южные пограничные крепости-городища носителей этой культуры в районе Канева погибают в пожарах, в слоях разрушений найдены характерные сарматские стрелы. На территориях, занятых прежде зарубинецкой культурой в Среднем Поднепровье, появляются сарматские могильники и курганы, достигающие почти что широты Киева (Щукин 1994: 232-239).

Эта волна смещения сарматских племен на запад фиксируется как сопоставлением этнокарт Страбона (до 18 г. н.э.) и Плиния (до 79 или 62 гг.), так и археологически — резкое увеличение числа сарматских погребений второй половины I в. на Правобережной Украине и в Молдавии (Щукин 1994: рис.71).

Три эпизода этой цепи событий находят конкретизацию и в других источниках: Тацит подробно рассказывает о сирако-аорском конфликте в Прикубанье, стимулированном борьбой боспорских царей за престол и вмешательством в нее римлян (Тас. Ann. XII, 15-21) в 45-49 гг., и о появлении сарматов-языгов в 50 г. в Среднем Подунавье, перешедших Карпаты по призыву царя квадов Ванныя, надеявшегося использовать их силы в борьбе против напавших на него северных соседей — гермундуrow и лугиев (Тас. Ann. XII, 29-30).

Нумизматические и эпиграфические источники позволяют реконструировать возникновение в 49 г. или несколько позже особого сарматского царства в междуречье Днестра-Прута, возглавленного неким царем Фарзоем, чеканившим свои монеты в Ольвии (Щукин 1994: 204-224). Истоки этого движения сарматских племен следует искать, впрочем, далеко на востоке. В связи с названными событиями впервые появляются на исторической арене аланы.

Спасения от сарматских набегов носители зарубинецкой культуры — бастарны ищут не только в Поднепровских поймах, защищавших, вероятно, не слишком надежно, но и разбегаясь в более отдаленные районы. Часть населения Полесской группы ушла, возможно, на запад, на Воынь, где, в смеси с подходящими постепенно сюда же носителями пшеворской культуры, они образовали зубрецкую постзарубинецкую группу горизонта Рахны-Почеп (Козак 1991).

В Верхнем Поднестровье в 40-70-е годы уже существовала особая пшеворско-дакийско-сарматская Звенигородская группа (иногда ее, как кажется, без особых оснований, относят к липицкой культуре): сильно вооруженная, имеющая, судя по находкам бронзовой импортной посуды, контакты с римлянами. Не исключено, что именно люди из Колоколина-Звенигорода-Чижикова представляли тех бастарнов, с которыми имел дело Плавтий Сильван, когда в 62 г. *“подавил, начавшиеся было, волнения сарматов”* (сарматов Фарзоя?) и вернул бастарнам заложников. Под прикрытие щитов своих родственников и бежали, возможно, бастарны-зарубинцы, сохранившие затем в зубрецкой группе свой язык и самосознание вплоть до конца III века.

Не исключено также, что сарматы-кочевники, постоянно нуждающиеся и в продуктах земледелия, депортировали часть завоеванного зарубинецкого населения на земли, где эксплуатация его была облегчена. Так можно было бы объяснить появление постзарубинецкой группы Рахны на Южном Буге, памятников этого же облика под Воронежем, на Хопре и даже в Самарском Поволжье (Медведев 1995; Хренов 1994; Матвеева 1981).

Основная же масса зарубинецкого населения бежала на восток — в верховья Псла, Сулы и Сейма с их обширными поймами, или на северо-восток — в Подесенье и Брянские леса. Всем им, вероятно, вскоре пришлось утратить и свой язык, и свое бастарнское самосознание.

Отдельные, уже совсем небольшие, группы особенно напуганных просачивались, по всей вероятности, и дальше на север, в глубины лесной зоны. Не без их воздействия происходит в это же время трансформация Днепро-Двинской культуры в

среднетушемлинскую, появляется небольшая примесь чернолощеной керамики и сосуда с насечками по венчику, что характерно для “памятников киевского типа”. Местные днепро-двинские традиции, впрочем, тоже сохраняются.

Отмечено появление в среднетушемлинских слоях днепро-двинских городищ и керамики с “фестонным орнаментом”, свойственным посуде юхновской культуры Подесенья и Брянщины (Третьяков, Шмидт 1963: рис.22,23; Левенок 1963). Ее носители тоже были увлечены этим движением к северу. К сожалению, юхновская культура, прекращающаяся, как думают, в момент сложения почепской группы постзарубинецких памятников, еще очень плохо изучена, а она может оказаться чрезвычайно важным звеном в реконструируемых процессах.

Таким образом, разбегающиеся под сарматской угрозой носители культуры постзарубинецких групп ко времени Тацита находились в “бродячем” состоянии, и встает вопрос, не их ли он имел в виду, говоря о венетах, бродящих ради грабежа между бастарнами и феннами. Очень может быть, но точно мы знать не можем, возможны и другие варианты, один из которых предлагался выше. А может быть, информаторы Тацита имели в виду и все население этой зоны, тогда под понятие венетов попадут, кроме упомянутых групп, и жители Днепро-Двинских городищ, и носители культуры штрихованой керамики. К сожалению, точнее и определеннее сказать пока ничего нельзя.

Отметим только, что как раз в это же время, скорее всего, где-то незадолго перед 62 г., миссией Нерона был восстановлен янтарный путь, по которому в Прибалтику потекли норико-паннонские вещи, а возможно, и выходцы из этих провинций и с севера Адриатики — венеты. Вспомним Спурия Прима и Полямониса. Начался “золотой век” Прибалтики и распространение на юго-восток глазчатых фибул прусской серии и ажурных подвесок с эмалью, которые попадают и на памятники лесной зоны, и к носителям культуры горизонта Рахны-Почеп. Состоялся перенос термина “венеты” на широкие слои населения Прибалтики и Восточной Европы, термина еще не устоявшегося, а потому и в источниках употребляемого неоднозначно.

В таком контексте в какой-то мере становятся понятными и Венедские горы, откуда стекает Висла по данным Птолемея. Горы находятся на янтарном пути.

В это же время, где-то во второй половине I в. н.э. или в 70-80-х годах этого столетия, происходит еще одно событие, имевшее чрезвычайно важные последствия для всей истории Европы. Отголоски его в археологических материалах были блестяще изучены Рышардом Волонгевичем (Wolagiewicz 1981). Он заметил: в это время на пустовавших прежде землях центральной части Польского Поморья, в Кашубско-Краенском поозерье, появляется новая группа памятников, типа Одры-Венсеры, с одной стороны, явно входящая с состав вельбаркской культуры, а с другой стороны, концентрирующая элементы, указывающие на непосредственные связи со Скандинавией. Выглядит очень соблазнительным видеть в этих пришельцах ту группу готов, легенду о переселении которой из-за моря записал Иордан. В результате выходцы из-за моря и из Ютландии усилились, что не замедлило сказаться и на окружающем Поморье населении (Щукин 1994: 190-201, 244-278).

Замечено проникновение носителей группы Одры-Венсеры к югу вплоть до района Познани, что, возможно, вызвало отток части пшеворцев из пограничных с образующейся общностью областей к югу и юго-востоку вплоть до Верхнего Поднепровья, и, быть может, нападение лугиев на Ванния тоже как-то связано с этим процессом (Щукин 1986). В то же время закладываются новые вельбаркские могильники и к востоку от нижнего течения Вислы в Ольштынско-Илавском поозерье Мазурии, в пограничье с культурой западных балтов. А в среде последних тоже наблюдается сдвиг на восток. Появляются в Литве новые группы памятников — курганы жемайтійского типа, плоские могильники группы Сергеньяй-Выршвай и другие. Они оказываются либо в пограничье с культурой штрихованой керамики, либо непосредственно на ее территории.

Около середины I в. н.э. происходят какие-то события и в пределах культуры штрихованой керамики Белоруссии: горит ряд городищ, некоторые из них отстраиваются заново, с более мощной системой укреплений, но обитатели их пользуются несколько иными, чем ранее, формами сосудов, ребристыми, аналогии которым можно найти или в керамике западных балтов, или в западных областях расселения “штриховиков” (Щукин 1995). Замечено и проникновение последних к востоку, на Смоленщину, в зону расселения Днепро-Двинских и среднетушемлинских племен — городище Церковище (Седов 1964). Наблюдается усиление фортификации среднетушемлинских городищ (Фурасьев 1993: 13). Все это имеет место в пределах хронологического горизонта бытования глазчатых фибул “прусской серии” второй половины I — начала II вв. н.э.

Два потока каких-то бурных событий и подвижек населения, вызванные двумя внешними толчками — с Востока и из Скандинавии — замыкаются, таким образом, в Днепро-Двинском междуречье, в Верхнем Поднестровье и в Среднем Подунавье.

В результате возникшего круговорота событий и начались, возможно, процессы перераспределения изоглоссных областей в балто-славянском континууме диалектов, приведшие к выделению тех из них, которым через некоторое время предстояло стать славянскими. Существенную роль при этом могли сыграть потомки бастарнов, носителей неизвестного нам, несохранившегося языка, сходного, быть может, в равной степени и с кельтскими, и с германскими, принесшим в балто-славянскую среду тот кентумный элемент, который отличает балтские языки от славянских (Miodowicz 1984: 46).

Волей случая балто-славянский континуум в целом получил от соседних народов имя венетов. Зачатки же собственного славянского самосознания могли зародиться, скорее всего, в рамках того социального единства, которое нашло свое археологическое выражение в виде киевской культуры.

Два названных потока движений, а они не были одноразовыми и осуществлялись народами и с более развитым этническим самосознанием, и с более сильной политической организацией, образовали как бы стенки некоего “венетского котла” лесной зоны, где происходили предполагаемые, тоже достаточно бурные, процессы. Гуннское нашествие разбило южную стенку этого котла, а передел мира после Недао разрушил его полностью. Содержимое выплеснулось на освободившиеся пространства.

Окончательное же оформление славянского самосознания произошло еще позже, во время активных действий на Дунае, возвращения оттуда после неудач с волохами в 593-602 и 658 годах и под давлением орд болгар Аспаруха в 680 г. (Мачинский 1981; Приходнюк 1996), с реконкистой лесной зоны, где возвращающиеся славяне постепенно ассимилировали своих прежних балтских и балто-славянских родичей и встретились в Ладогe с варягами (Мачинский 1982; Минасян 1982; Лесман 1993). Но это уже следующие страницы этнической и политической истории славянства, которые мы пока открывать не будем.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ, вып. Д1-30. М.

Анфертиев А.Н. 1991. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М.

Артамонов М.И. 1956. Славяне и Русь // Научная сессия 1955-1956 гг. в Ленинградском Государственном Университете. Тезисы докладов на секции исторических наук. Л.

Баран В.Д. 1972. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ.

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура: за матеріалами верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.

Баран В.Д. 1988. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с.Рашков). Киев.

Баран В.Д., Козак Д.Н., Терпиловський Р.В. 1991. Походження слов'ян. Київ.

- Березовец Д.Т. 1958. Славянские поселения в устье Тясмина // КСИА, вып.8. Киев.
- Березовец Д.Т. 1963. О датировке черняховской культуры // СА, №3.
- Березовец Д.Т. 1963а. Поселения улочей на Тясмине // МИА №108.
- Блаватская Т.В. 1952. Западнопонтийские города в VII-I вв. до нашей эры. М.
- Боузек Я. 1994. Этруски, Адриатика и янтарный путь // Этруски и Средиземноморье: язык, археология, искусство. М.
- Брайчевський М.Ю. 1952. Антські період в історії східних слов'ян // Археологія, Том VII. Київ.
- Брайчевский М.Ю. 1957. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тыс. е.э. // СА, №3.
- Брайчевський М.Ю. 1957а. Про етничну приналежність черняхівської культури // Археологія, т. X. Київ.
- Брайчевський М.Ю. 1964. Біля джерел слов'янської державності. Київ.
- Браун Ф. 1899. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб.
- Булкин В.А. 1993. Мачинский, ставаны, КШК и др. // ПАВ, вып. 6.
- Вернер И. 1972. К происхождению и распространению антов и склавинов // СА №4.
- Въжарова Ж. 1976. Славяни и прабългари. София.
- Въжарова Ж. 1965. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI-XI век. София.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гамченко С.С. 1896. Раскопки в бассейне р. Случи // Труды XI АС, т. I. М.
- Голубева Л.А. 1957. Совецание, посвященное проблеме черняховской культуры и ее роли в развитии ранней истории славянства // СА, №4.
- Гончаров В.К. 1950. Райковецкое городище. Киев.
- Гончаров В.К. 1963. Лука Райковецкая // МИА №108.
- Гороховский Е.Л. 1983. Хронология украшений с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V МКАС, Т.4. Киев.
- Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.
- Гудкова А.В. 1990. Группа венедов в низовьях Дуная // VI Международный конгресс славянских археологов. Тезисы докладов советской делегации. М.
- Гурина Н.Н. 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА №87.
- Даниленко В.М. 1976. Пізньозарубинецьки пам'ятки київського типу // Археологія, вип.19.
- Егорейченко А.А. 1991. Поселение у д. Остров Пинского района Брестской области // Archeoslavica, 1. Krakow.
- Журавлев В.К. 1968. К проблеме балто-славянских языковых отношений // Baltistica, 4.
- Зильманович И.Д. 1995. Об одном типе керамики из Лепесовки // СГЭ, вып. LVI.

- Иванов В.В. 1976. Язык, как источник при этнических исследованиях и проблематика славянских древностей // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1958. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // IV Международный съезд славистов. Доклады. М.
- Каспарова К.В. 1976. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры // СА №3.
- Каспарова К.В. 1978. О фибулах зарубинецкого типа // АСГЭ, вып.18.
- Каспарова К.В. 1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА, №2.
- Кнабе Г.С. 1981. Корнелий Тацит. М.
- Козак Д.Н. 1991. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ.
- Козак Д.Н., Терпиловський Р.В. 1986. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тисячоліття н.е. // Археологія, вип. 56.
- Корзухина Г.Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // СА, т. XXII.
- Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI вв. н.э. // САИ, вып. Е1-43.
- Красновская Н.А. 1971. Фриулы. (Историко-этнографические очерки). М.
- Кухаренко Ю.В. 1955. Славянские древности V-IX вв. на территории Полесья // КСИИМК, вып.57.
- Кухаренко Ю.В. 1960. Памятники пражского типа на территории Приднепровья // Slavia Antiqua, 7.
- Кухаренко Ю.В. 1970. Погребение у с. Пересыпки // Древние славяне и их соседи. М.
- Лебедев Г.С. 1989. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: этногенез и этническая история. Л.
- Левенок В.П. 1963. Юхновская культура // СА, №3.
- Лесман Ю.М. 1989. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне: этногенез и этническая история. Л.
- Лесман Ю.М. 1993. К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности // ПАВ, вып.6.
- Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 1995. О роли памятников III-IV вв. н.э. в формировании культуры Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ, вып.9.
- Ляпушкин И.И. 1958. Городище Новотроицкое // МИА №74.
- Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА №152.
- Матвеева Г.И. 1981. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Мартынов В.В. 1963. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск.
- Махно Е.В. 1949. Пам'яткі культури полів поховань на північно-західному Правобережжі // АП УРСР, т.І.
- Мачинский Д.А. 1966. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка // Археология Старого и Нового Света. М.
- Мачинский Д.А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I-IV вв. // АСГЭ, вып.17.
- Мачинский Д.А. 1981. “Дунай” русского фольклора на фоне восточноевропейской истории и

мифологии // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л.

Мачинский Д.А. 1982. О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Мачинский Д.А., Тиханова М.А. 1976. О местах обитания и направлениях движений славян в I-VII вв. н.э. (по письменным и археологическим источникам) // Acta Archaeologica Carpathica, t. XVI.

Мельниковская О.Н. 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.

Минасян Р.С. 1982. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Ньютон Р.Р. 1985. Преступление Клавдия Птолемея. М.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. Москва-Сумы.

Обломский А.М. 1996. Среднее Посеймье в позднеимское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА, №4.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.

Падин В.А. 1969. Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска // СА, №4.

Паламарчук С.В. 1982. Поселение первых веков нашей эры Волчья Балка // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Петров В.П. 1963. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. // МИА №108.

Подосинов А.В. 1991. Певтингерова карта //Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1. М.

Приходнюк О.М. 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст. н.е. Київ.

Приходнюк О.М. 1988. О генезисе древностей позднеимского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья //КСИА, вып.194.

Приходнюк О.М. 1996. Версия Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев.

Рафалович И.А. 1972. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев.

Русанова И.П. 1973. Славянские древности VI-IX вв. между Днестром и Западным Бугом // САИ, вып. Е1-25.

Русанова И.П. 1976. Славянские древности VI-VII вв. М.

Русанова И.П. 1988. Компоненты пшеворской культуры // Труды V МКАС, т.4. Киев.

Русанова И.П. 1990. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: материалы и исследования. М.

Рыбаков Б.А. 1948. Анты и Киевская Русь // ВДИ, №1.

Рыбаков Б.А. 1978. Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.

Рыбаков Б.А. 1981. Язычество древних славян. М.

Сакса А.И. 1996. Карелия и Ладожская область в I — начале II тысячелетия н.э. // Ладога и

Северная Европа. СПб.

Седов В.В. 1964. Городище Церковище // КСИА, вып. 102.

Седов В.В. 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.

Седов В.В. 1979. Происхождение и ранняя история славянства. М.

Седов В.В. 1994. Очерки по археологии славян. М.

Серебряников Б.А. 1957. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого балтийским языкам // Труды Академии Наук Литовской ССР. Сер. А, вып. 1 (2). Вильнюс.

Скржинская М.В. 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.

Слонов К.А. 1989. К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-лунниц // СА, №1.

Смішко М.Ю. 1953. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західніх областях УРСР в 1947 р. // АП УРСР, т. III

Сымонович Э.А. 1963. Городище Колочин I на Гомельщине // МИА № 108.

Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев.

Терпиловский Р.В. 1989. К проблеме контактов киевской и вельбаркской культур // Kultura wielbarska w mlodszyim okresie rzymskim. Lublin.

Терпиловський Р.В. 1994. Праслов'янські старожитності східної Європи. Перспективи пошуку // Старожитності Русі-України. Київ.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры (Свод археологических источников). Киев.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 1996. Олександрівка 1, богатошарове ранньослав'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.

Тиханова М.А. 1957. О локальных вариантах черняховской культуры // СА №4.

Топоров В.Н. 1978. Вступительные замечания. (Категория времени и пространства и балтийское языкознание) // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Предварительные материалы. М.

Топоров В.Н. 1983. Древнейшие германцы в Причерноморье: результаты и перспективы. // Балто-славянские исследования 1982. М.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.-Л.

Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.

Третьяков П.Н. 1974. Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия нашей эры в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. М.-Л.

Третьяков П.Н. 1982. По следам древних славянских племен. Л.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. 1963. Древние городища Смоленщины. М.-Л.

Трубачев О.Н. 1968. Названия рек Правобережной Украины. М.

Трубачев О.Н. 1991. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.

Ушинкас В.А. 1988. Формирование раннегосударственной территории Литвы I-XIII вв. (по данным

- археологии) // Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. Л. (Рукопись).
- Ушинкас В.А. 1989. Роль культуры штрихованой керамики в этногенезе балтов // Славяне: этногенез и этническая история. Л.
- Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.-Л.
- Фокеев М.М. 1982. Поселение первых веков нашей эры Холмское II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
- Фосс М.Е. 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА №29.
- Фурасьев А.Г. 1993. Двинско-Ловатское междуречье в третьей четверти I тыс. н.э. СПб. Дипломная работа. Рукопись.
- Фурасьев А.Г. 1996. О времени и обстоятельствах гибели городища Демидовка в верховьях Днепра // Ладога и Северная Европа. СПб.
- Хавлюк П.И. 1960. Первая находка зооморфного изображения мартыновского типа на славянском поселении // СГЭ, вып. XIX.
- Хавлюк П.И. 1961. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья // СА №3.
- Хавлюк П.И. 1963. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. // МИА №108.
- Хавлюк П.И. 1988. Вельбаркские памятники на Южном Буге // *Kultura wielbarska w mlodszyim okresie rzymskim*. Tom I. Lublin.
- Хренов А.А. 1994. Проблемы этнокультурного развития населения Прихоперья в первые века нашей эры // Российский исторический журнал. №1. Балашов.
- Шахматов А.А. 1919. Древнейшие судьбы русского племени. Пг.
- Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1991. Плиний. Тацит. Птолемей. // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I. М.
- Шмидт Е.А. 1961. Некоторые особенности культуры городищ верховьев Днепра во второй половине I-го тысячелетия до н.э. // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. IV. Смоленск.
- Шмидт Е.А. 1970. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М.
- Шувалов П.В. 1989. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в середине I тыс. н.э. // Диссертация ...канд. ист. наук. Л. (Рукопись).
- Щербакова Т.А. 1981. Могильник первых веков нашей эры у с. Этулия // АИМ (1974-1976). Кишинев.
- Щербакова Т.А. 1982. Поселения первых веков нашей эры в бассейне озера Кагул // АИМ (1977-1979). Кишинев.
- Щербакова Т.А. 1983. Раскопки поселения позднеимского времени у с. Чишмикой // АИМ (1979-1980). Кишинев.
- Щербакова Т.А., Кашуба М.Т. 1990. Два новых культурно-хронологических горизонта на посаде древнерусского городища Алчедар (МССР) // Проблемы истории и хронологии Нижнего Поднестровья. Белгород-Днестровский.
- Щукин М.Б. 1967. О трех датировках черняховской культуры // КСИА, вып. 112.

- Щукин М.Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // СА №2.
- Щукин М.Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ, вып. 14.
- Щукин М.Б. 1975. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождении славян (по поводу статей Э.А.Рикмана, И.С.Винокура, В.В.Седова и И.Вернера) // СА №4.
- Щукин М.Б. 1976. Археологические данные о славянах II-IV вв. Перспективы ретроспективного метода // АСГЭ, вып. 17.
- Щукин М.Б. 1976а. О начальной дате черняховской культуры // ZNUJ, t. 422, Prace Archeologiczne, Z. 22. Krakow.
- Щукин М.Б. 1977. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ, вып. 18.
- Щукин М.Б. 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев.
- Щукин М.Б. 1987. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути. // АСГЭ, вып. 28.
- Щукин М.Б. 1988. Керамика киевского типа с поселения Лепесовка // СА, №3.
- Щукин М.Б. 1989. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов? // Kultura wielbarska w mlodszyim okresie rzymskim. Tom II. Lublin.
- Щукин М.Б. 1989а. Семь миров древней Европы и проблемы этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. Л.
- Щукин М.Б. 1993. Проблема бастарнов и этнического определения поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур // ПАВ, вып. 6.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Щукин М.Б. 1995. Некоторые замечания о хронологии городищ культуры штрихованной керамики // ПАВ, вып. 9.
- Щукин М.Б. (в печати). Янтарный путь и вены // ПА, вып. IV.
- Birnbaum H. 1973. O mozliwosci odtworzenia pierwotnego stanu jezyka praslowianskiego za pomoca rekonstrukcji wewentrzenej i metody porownawczej // American Contributions to the 7th International Congress of Slavists, Warsaw, August 1973. Los-Angeles.
- Borkovsky I. 1940. Staroslovanska keramika ve stredni Evrope. Praha.
- Brachmann H. 1978. Slawische Stamme an Elbe und Saale. Berlin.
- Comsa M. 1974. Direction et des etapes de la penetration des Slaves vers la peninsule balkanique aux VI-e — VII-e s.(avec un regard special sur la territoire de la Roumanie) // Balcanoslavica, t.I. Prilep.
- Comsa M. 1974a. Einige Betrachtungen uber die Ereignisse in VI-VII Jh. an der unteren Donau // Slavia Antiqua, No 25.
- Dabrowska T. 1973. Wschodnia granica kultury przeworskiej w poznyim okresie latenskim i wczesnym okresie rzymskim // Materialy starozytne i wczesnosredniowieczny. Tom II.
- Dabrowska T. 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Warszawa.
- Dabrowska T., Godlowski K. 1970. Grob kultury przeworskiej z Hromowki na Ukraine // ZNUJ, Prace Archeologiczne z.12. Krakow.
- Feffer L.-Ch., Perin P. 1987. Les Francs. A l'origine de la France. Paris.

- Die Germanen. 1976. Ein Handbuch im zwei Banden. Bd I. Berlin.
- Godlowski K. 1978. Zu Besiedlungsveränderungen in Schlesien und Nachbarräumen während der jüngeren vorromischen Eisenzeit // ZNUJ, t. 485, Prace archeologiczne, z. 26.
- Godlowski K. 1979. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenia Słowian w V-VI w. n.e. Kraków.
- Godlowski K. 1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim. Wrocław etc.
- Hachmann R. 1957. Ostgermanische Funde der Spätlatenezeit in Mittel- und Westdeutschland // Archeologia Geographica, Bd 6.
- Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. 1962. Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster.
- Hensel W. 1973. Polska starożytna. Wrocław etc.
- Iconomu G. 1968. Cercetari arheologice la Mangalia si Neptun // Pontica. Studii si materiale de istorie, arheologie si muzeografie. Constanta.
- Ionita I. 1972. Unele probleme privind populatia autoctona din Moldova in secolele II-V e.n. // Crisia. Culegere de materiale si studii. Oradea.
- Jamka R. 1864. Fibule typu oczkowatego w Europie środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem polskich // Materiały starożytne, t.X.
- Jaskanis J., Okulicz J. 1981. Kultura wielbarska (faza cecelska) // Prahistoria ziem polskich, t.V.
- Jazdzewski K. 1949. Atlas do pradziejów Słowian. Łódź.
- Kietlińska A., Dąbrowska T. 1963. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, pow. Turek // Materiały starożytne, t.IX.
- Kolendo J. 1981. a la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Néron. Warszawa.
- Kolník T. 1977. Rimský nápis z Boldogu // SIA, XXV-2. Bratislava.
- Kostrzewski J. 1923. Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznań.
- Kostrzewski J. 1961. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach. Poznań.
- Lamberg-Królovski C. 1971. The Protohistoric Veneti and Venedi and the Origins of Amber // Actes du VII CISPP, vol.2. Prague.
- Lehr-Splawinski T. 1946. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań.
- Lowmianski T. 1963. Początki Polski. Tom I. Warszawa.
- Macalá P. 1995. Etnogeneza Slovanov v archeologii. Kosice.
- Macinsky D.A. 1974. Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slaven und der Versuch, sie mit den archäologischen Daten zu vergleichen // Ethnologia Slavica, t. VI. Bratislava.
- Malinowski T. 1961. Kultura pomorska a kultura grobów kłosowych // Zagadnienia okresu lateńskiego w Polsce. Wrocław etc.
- Michelbertas V. 1986. Senasis gelezies amazius Lietuvoje. Vilnius.
- Miodowicz K. 1984. Współczesne koncepcje lokalizacji pierwotnych siedzib Słowian. Dane językoznawcze. // ZNUJ, t. DCCXXII. Prace etnograficzne, z. 19. Kraków.
- Mitei M. 1962. Die slawische Siedlungen von Suceava // SIA, R.X.
- Moora H. 1934. Zur Frage der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // Suomen

- Muinaismuistoyhdistyksen Aikakaus kirj. 40. Helsinki.
- Nestor I. 1957. La necropole slave d'epoque ancienne de Sarata Monteoru // Dacia, vol. I.
- Nowakowski W. 1986. Z badan nad dzwonekami rzymskimi, znaidowanymi nad wschodnim Baltykem. Brazowe tintinnabulum z Malborka // Archeologia, t.37. Warszawa.
- Nowakowski W. 1995. Sudinae — lud miedzy Baltykiem a Morzem Czarnym // Nunc de Suebis decendum est... Studia archaeologica et historica Georgi Kolendo ab amici et discipuli dicata. Warszawa.
- Nowakowski W. 1996. Das Samland in der romischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit der romischen Reich und barbarischen Welt. Marburg-Warszawa.
- Okulicz J. 1973. Pradzieje ziem pruskich od poznego paleo-litu do VII w. n.e. Wroclaw etc.
- Okulicz J. 1984. Einige Aspekte der Ethnogeneze der Balten und Slawen im Lichte archaologischer und sprachwissenschaftlicher Forschungen // Quaestiones Mediaevae, vol.III.
- Parczewski M. 1988. Poczatky kultury wczesnoslowianskiej w Polsce. Krakow.
- Parczewski M. 1993. Die Anfange der fruhslawischen Kultur in Polen. Wien.
- Perin P., Feffer L.-Ch. 1987. Les Francs. A la conqutte de Gaule. Paris.
- Peschel K. 1978. Anfange germanischer Besidlung im Mittelgebirgsraum. Berlin.
- Rostafinski J. 1908. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie slowian w predhistorycznych czasach. Warszawa.
- Sarov O. 1995. Hassleben-Leuna und Danceny // La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siecle. Paris.
- Schmidt B. 1961, 1976. Die spate Volkerwanderungszeit in Mitteldeutschland // Veroffentlichungen des Landesmuseums fur Vorgeschichte in Halle. Bd. 18, 29.
- Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century BC — 1st Century AD // B.A.R. International Series 542. Oxford.
- Shchukin M.B. 1986-1990. The Balto-Slavic Forest Direction in the Archaeological Study of the Ethnogenesis of the Slavs // Wiadomosci Archeologiczne, t. LI, z.1.
- Smiszko M. 1935. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce Wschodniej. Lwow.
- Szczukin M.B. 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk.
- Tejral J. 1989. K otazce pozdne rimskich sidlist "zlechovskeho typu" // Acta muzei Moraviae (Casopis Moravskego muzea), t. LXXIV.
- Teodor D. 1978. Teritoriul Est-Carpatic in veacurile V-XII n.e. Iasi.
- Udolf J. 1979. Studien zu Gewassernamen und Gewasserbe-zeichnungen. Heidelberg.
- Vana Z. 1983. Die Welt der alten Slawen. Praha.
- Werner J. 1971. Zur Herkunft und Ausbreitung der Anten und Sklavenen // Actes du VIII CISPP. Beograd.
- Werner J. 1981. Bemerkungen zum nordwestlichen Siedlungsgebiet der Slawen im 4.-6. Jahrhundert // Beitrage zur Ur- und Fruhgeschichte. Beihefte 16. Berlin.
- Werner J. 1988. Danceny und Brandstrup. Untersuchungen zur Cernachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr, und zu den Reichtumzentren auf Funen // Bonner Jahrbucher, Bd 188.
- Wheeler R.E.M. 1939. Iron Age Camps in Northwestern France and Southwestern Britain // Antiquity,

Vol. XIII.

Wolagiewicz R. 1981. Kultura wielbarska — problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk.

Wozniak Z. 1979. Chronologia mlodszej fazy kultury pomorskiej w swietle importow i nasladownictw zabytkow pochodzenia poludniowego // Problemy kultury pomorskiej. Slupsk.

Zeman J. 1976. Najstarsi slovenske osidleni Cech // Pamatke Archeologicke, №1.

СТРАТУМ: СТРУКТУРЫ И КАТАСТРОФЫ. Сборник символической индоевропейской истории. СПб: Нестор, 1997. 268 с.
ISBN 5-901007-03-4.